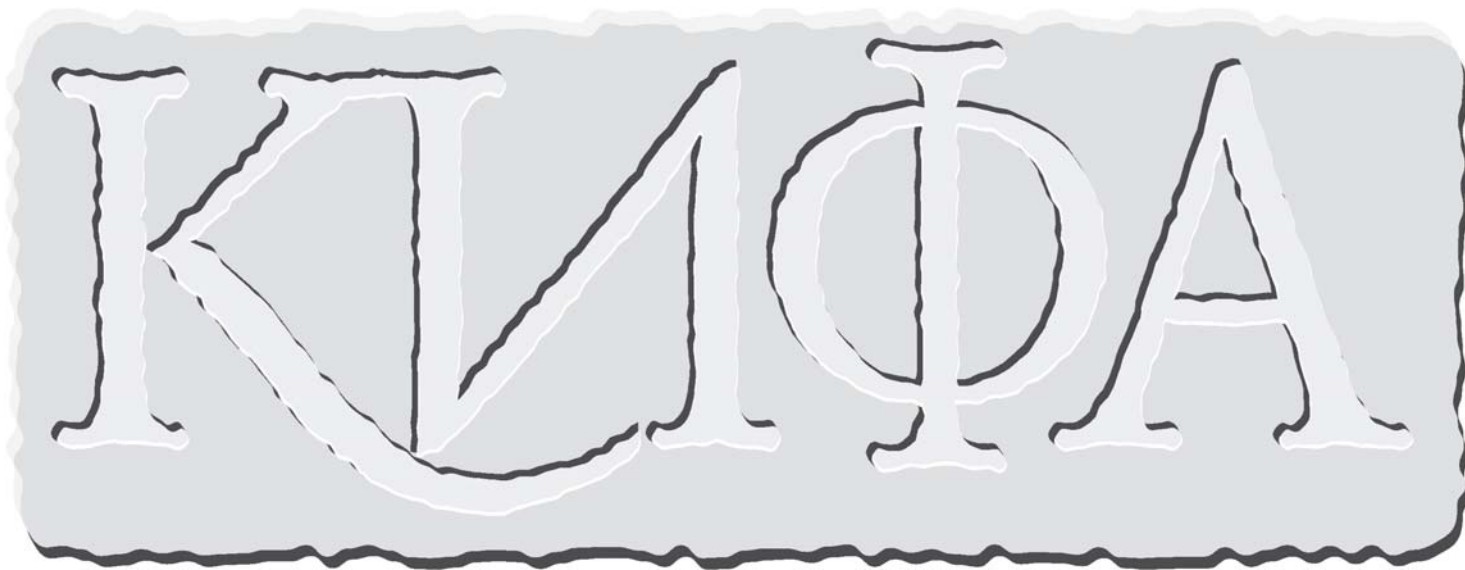

9⁽¹³¹⁾

июль 2011

Издание
Преображенского содружества
малых православных братств

В газете использованы
материалы сайтов sfi.ru и psmb.ru
Электронная версия газеты gazetakiφa.ru

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви

МЕЖСОБОРНОЕ ПРИСУТСТВИЕ ПОСЧИТАЕТ ИСКУСНЫХ И НЕИСКУСНЫХ

Решением президиума Присутствия опубликованы новые документы
для церковной и общественной дискуссии

15 июня в ходе третьего заседания президиума Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви рассматривалось три проекта документов, подготовленных комиссиями Присутствия в 2010 году.

По результатам обсуждений было принято решение передать проекты на отзыв в епархии, а также опубликовать с целью проведения общественной дискуссии.

Согласно установившейся практике, прошедшие первое чтение документы «Процедура и критерии избрания Патриарха Московского и всея Руси», «Проект научного переиздания Триодей в редакции Комиссии по исправлению богослужебных книг при Святейшем Правительствующем Синоде (1907–1917)», «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века» размещены на официальном сайте Московского Патриархата, а также на портале Bogoslov.ru и в официальном блоге Межсоборного присутствия. На двух последних ресурсах всем желающим предоставляется возможность оставлять свои комментарии.

Осенью текущего года поступившие отзывы будут систематизированы и переданы в редакционную комиссию Присутствия.

Источник: Патриархия.ru

Фото с сайта Патриархия.ru

Материалы по одной из дискуссий можно прочитать
в приложении «Язык Церкви» и на с. 5

ДРУГОЕ ОТНОШЕНИЕ К МИРУ

Интервью с ректором Московского государственного областного
социально-гуманитарного института А.Б. Мазуровым

— Алексей Борисович, в этом году в Свято-Филаретовском институте состоялось много защит. Каково у Вас, как у главы Государственной аттестационной комиссии, общее впечатление от защит? Наблюдается ли здесь какая-нибудь динамика по сравнению с предыдущими годами?

— Динамика, безусловно, есть: уровень защит вырос. Работы стали более солидными, нацеленными на максимально полное раскрытие темы. Хотелось бы отметить, что по многим работам была живая дискуссия — меньше получаса никого не спрашивали, а кто-то и час отвечал после выступления на вопросы государственной комиссии... Так что в

целом уровень хороший, и мне кажется, что есть продвижение вперед.

— Вы ректор светского учебного заведения и можете оценить какие-то моменты «со стороны». Как Вам кажется, что может значить повышение уровня работ выпускников для дальнейшего развития Свято-Филаретовского института, который Вы не первый год знаете, для его научной деятельности?

— У нас немного разные условия. В нашем институте в основном учатся те, кто поступал после школы. В СФИ же учатся более зрелые, более мотивированные люди. Некоторые из них несколько лет писали свои работы. Это тоже кое о чем говорит (не всегда, правда, в пользу качества, но все-таки если человек долго работает над выбранной темой, выход получается более полноценным). Мне кажется, что для Свято-Филаретовского института важно то, что некоторые работы — это готовые научные исследования, которые можно было бы опубликовать. Так, например, работа, посвященная чину братотворения, — это классическая научная работа, построенная по всем канонам, с глубоким текстологическим анализом, с изучением рукописей, с раскрытием того, как это все изменялось в истории Церкви. Эта работа мне очень запомнилась.

Нужно сказать, что у меня были большие сомнения по поводу единственной

тройки, которую поставила комиссия. Это была работа, посвященная нетрадиционным религиозным движениям в Екатеринбург. Автор немало поработал, провел «полевые исследования», посетил все эти общества, собрал о них материал. Но, к сожалению, на аналитическом уровне изложить это не удалось. И у меня были борения по этому поводу: может быть, все-таки четверку поставить за проделанную работу. Но в конце концов члены комиссии решили, что эта работа по уровню сильно отстает от тех, что заслужили полновесные четверки, и поэтому решили поставить единственную тройку из всех двадцати двух работ.

Вы знаете, что любой человек, который пишет итоговую работу, во-первых, приобретает навыки исследовательского плана. Это совсем другое отношение к миру: надо владеть постановкой темы, аргументировано доказывать свою точку зрения, композиционно выстраивать материал. Это качества, которые дорогого стоят, особенно в наше время. С другой стороны, это профессиональные навыки. Степень бакалавра (в данном случае по направлению «теология») дается за конкретную работу. Все предшествующее обучение рассматривается как то, что готовит человека к её выполнению. Из этого следует и значение общего уровня этих дипломных работ для каждого вуза.

Продолжение темы — на с. 6

В НОМЕРЕ:

Откуда берутся истуканы

О том, что можно сделать, чтобы опыт новомучеников был воспринят Церковью, чтобы ничто его не заслоняло, размышляют гости выставки «Неперемолотые. Опыт духовного сопротивления на Урале в XX веке»
С. 4

Молитва должна стать жизнью верующего

Обзор дискуссии по документу «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века» на странице Межсоборного присутствия РПЦ в Живом журнале
С. 5

Защищайтесь!

О прошедших в Свято-Филаретовском институте защитах итоговых работ размышляют и члены Государственной аттестационной комиссии, и студенты
С. 6

Станет ли вновь христианской постсекулярная культура

Чтобы это было возможно, институты, действующие снизу, созданные самими мирянами, должны укреплять многообразные взаимно скрепляющие связи
С. 7

В приложении «Язык Церкви» — документ Межсоборного присутствия, посвященный церковнославянскому языку, комментарий проф.-свящ. Георгия Кочеткова и обзор дискуссии, развернувшейся на портале «Богослов.ru»

КОРОТКО

Тбилиси: 18 июня в Грузинской Патриархии прошла презентация нового перевода Четвероевангелия на современный грузинский язык.

Над переводом по заказу Грузинской Патриархии по благословению Католикоса-Патриарха всей Грузии Илии II работали четыре человека в течение 15 лет. Основными источниками послужили древнегреческие тексты, содержащие Четвероевангелие, а также древнегрузинские переводы. К работе были привлечены также и предыдущие два перевода на современный грузинский язык.

Книга выходит тиражом 2 тыс. экземпляров, ожидаются многократные переиздания текста.

Седмица.ру

Киев: Впервые в истории Украинской православной церкви (в единстве с Московским Патриархатом) издано Богослужбное евангелие на украинском языке. 8 июля новинку презентовали участники юбилейного Собора УПЦ, который проходил в Киево-Печерской Лавре.

Книга издана синодальным Издательским отделом УПЦ на основании украинского перевода Нового Завета, выпущенного Волинской епархией УПЦ в 2005 году.

Издание имеет обычную для богослужбного Евангелия структуру: текст разделен на зачала, предназначенные для чтения в определенные дни церковного года. В приложении отдельно напечатаны чтения Великого четверга и Великой пятницы, а также зачала на различные требы.

В данном издании впервые в новейшей истории Русской православной церкви исправлена ошибка богослужбного чтения на вечерне Великой пятницы. Согласно евангелисту Луке, один из разбойников, повешенных рядом с Иисусом, раскаялся, но в составном чтении после рассказа Луки о благоразумном разбойнике помещено повествование Матфея со словами «Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его» (Мф 27:44). Современные издания богослужбных указаний Московской Патриархии рекомендуют вставлять отрывок из Луки о покаянии благоразумного разбойника не до, а после цитированного выше 44-го стиха 27-й главы Евангелия от Матфея. Эта рекомендация, однако, впервые оказалась исполнена лишь в нынешнем украинском издании.

«Киевская Русь»

Майкоп: Епископ Майкопский и Адыгейский Тихон запретил в служении на год двух заштатных клириков епархии — иеромонахов Дорофея (Дбара) и Андрея (Ампара).

Решение принято в связи с «самочинными действиями» по образованию «Анакопийской митрополии», предпринятыми без благословения канонического священноначалия, «созывом противоканонического соборика народа, самочинно выдвинувшего кандидата во епископы», сказано в двух указах владыки, опубликованных на сайте епархии.

Епископ призвал клириков обратиться к покаянию и исправлению жизни «в духе любви Христовой и почтения к Матери-Церкви».

Как сообщалось, участники народно-церковного собрания, прошедшего в середине мая в Ново-Афонском монастыре Абхазии, заявили о создании «митрополии» с центром в Новом Афоне.

«Митрополия будет поэтапно преобразовываться в независимую Абхазскую церковь», — заявлял председатель собрания отец Дорофей (Дбар).

Участники мероприятия приняли обращение к предстоятелям и Священным Синодам поместных Православных церквей с просьбой о создании межправославной комиссии под руководством представителя Константинопольского патриарха для обсуждения вопроса урегулирования канонического статуса «Абхазской церкви».

Участники собрания проголосовали за наделение народно-церковного собрания статусом высшего церковного органа управления до того, как будет сформирован институт «Абхазской православ-

ной церкви», а также избрали Совет «митрополии», который призван стать органом управления до решения вопроса о создании «Абхазской церкви».

Седмица.ру

Дрезден: 3 июня 2011 года состоялась встреча митрополита Волоколамского Илариона с руководителем отдела междинаральной и экуменической работы Управления Евангелической церкви в Германии (ЕЦГ) епископом Мартином Шиндехютте. Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата прибыл в Германию для участия в мероприятиях в рамках 33-го Немецкого евангелического Кирхентага. Это масштабное мероприятие проходит с 1 по 5 июня в Дрездене.

Участники беседы обсудили состояние отношений между Русской православной церковью и Евангелической церковью в Германии, коснулись сложностей в этой сфере, возникших в последние годы, детально рассмотрели перспективы междинарального диалога, выразив заинтересованность в его продолжении.

Епископ М. Шиндехютте сообщил, что Евангелическая церковь в Германии совместно с католической Немецкой епископской конференцией недавно создала комиссию, которая будет собирать сведения о масштабе, формах дискриминации и преследований христиан и верующих других религий в различных регионах мира. По свидетельству митрополита Илариона, к этому направлению деятельности готова подключиться и Русская православная церковь.

Затем к разговору присоединился председатель Совета Евангелической церкви в Германии презес Николаус Шнайдер, который официально приветствовал высокого гостя из Москвы от имени ЕЦГ. Н. Шнайдер выразил удовлетворение в связи возобновлением открытого разговора между Московским Патриархатом и Евангелической церковью в Германии и созданием совместной рабочей группы, которая должна будет рассмотреть имеющиеся сложности и вопросы, а также сделать предложения по формам и направлениям дальнейшего развития двустороннего диалога.

Служба коммуникации ОВЦС

Бергамо: 95-летний архиепископ Римско-католической церкви Лорис Франческо Каповилла, в прошлом личный секретарь «папы мира» Иоанна XXIII, стал почетным доктором Института Европы Российской Академии Наук. Как указывается в дипломе, который был вручен ему 27 июня в Бергамо (Северная Италия) заместителем директора ИЕ РАН профессором В.П. Фёдоровым, это звание было присвоено архиепископу «в знак признания его личного вклада в научное осмысление духовного наследия папы Иоанна XXIII — выдающегося государственного деятеля XX века, поборника диалога религий с современным обществом, истинного миротворца».

В нынешнем году исполняется 100 лет со дня рождения папы, по инициативе которого был созван Второй Ватиканский собор, прошедший под знаком «ад-жорнаменто» (обновления) РКЦ. Вот как был охарактеризован в 2000 г. этот форум официальными представителями Русской православной церкви: «Иоанн XXIII стал движущей и вдохновляющей силой преобразований, влияние которых не ограничилось рамками внутренней жизни Римско-католической церкви, но отразилось на всём комплексе межхристианских, межрелигиозных и международных отношений... Будем же помнить, что часто от всех нас, каждого на своем месте, зависит то, чтобы великие деяния великих людей не уходили в безвозвратное прошлое». Эти слова можно с полным основанием отнести к научной и организационной работе архиепископа Каповиллы. Почти полвека, истекших после кончины человека, которому он верно служил при его жизни, архиепископ-учёный собирает, анализирует и вводит в научный оборот все новые документы, подтверждающие актуальность трудов Иоанна XXIII.

ВСТРЕЧИ

Пятая заповедь

В Караганде паломники из Преображенского братства встретились с духовными чадами преподобноисповедника старца Севастиана (Фомина).

Свято-Введенский собор, один из самых красивых храмов Карагандинской епархии, построен в Караганде не так давно — в начале 1990-х годов. Храм появился в юго-восточном районе города, где жило много переселенцев и людей, прошедших Карлаг. Интересно, что именно на эти места, в районе мелькомбината, указывал своим духовным чадам старец Севастиан, ныне прославленный Русской православной церковью. Он говорил, что окрестности эти похожи на Оптину пустынь, благословлял верующих селиться поблизости и обещал, что когда-нибудь здесь будет возведен храм.

Наша паломническая группа попала в Караганду в июне, в день Вознесения Господня. Придя на литургию в Свято-Введенский собор, мы узнали, что здесь находится рака с мощами исповедника — преподобного старца схииеромонита Севастиана Карагандинского. Мы поклонились мощам, помолились, исповедались и причастились, а после литургии исповедовавшийся нас отец Ахия пригласил нас в село Большая Михайловка в гости к матушке Севастиане — духовной дочери преподобного Севастиана.

Потом мы узнали, что этот день особенно значим для всех, кто почитает старца, по двум причинам. Во-первых, накануне Вознесения 29 апреля 1939 года батюшку Севастиана освободили из лагеря (Карлага), где он отбывал срок по ст.58-10 УК СССР в течение 6 лет. Во-вторых, трудами отца Севастиана и его общины в 1955 году в день Вознесения Господня в селе Большая Михайловка была открыта и освящена церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. А потому этот день празднуется по-особому и здесь всегда ждут гостей. Мы, конечно, ничего не знали об этом, когда ехали в Михайловку вместе с отцом Ахией.

Нас приняли очень радушно, усадили за стол, потчевали очень вкусным обедом. Матушка Севастиана стала рассказывать нам о своем жизненном пути, о старце Севастиане и о его влиянии на духовный путь множества людей.

Матушка Севастиана, в миру Жукова Лидия Владимировна, родом из Самарской области, откуда ее вместе с родителями и еще тремя детьми выслали в 1931 году в Казахстан как семью раскулаченных. Лидии тогда было пять лет. Поезд со спецпереселенцами привезли прямо в голую степь, где и выгрузили. Люди сами себе должны были строить жилища, искать воду, добывать пищу. Младшая сестра Надежда умерла очень быстро. Остальные чудом выжили, хотя работали очень много в невыносимых условиях, пережили голод, цингу и дизентерию.

Родители матушки были из общины старца Севастиана и помогали ему в его служении. У них дома проходили тайные литургии, крещения и вечерние службы. Но Лидия ничего об этом не знала — такая была конспирация. Когда отцу матушки Жукову Владимиру Яковлевичу было 60 лет, старец Севастиан предложил ему стать диаконом, а еще спустя некоторое время Владимир Яковлевич стал священником храма Рождества Пресвятой Богородицы.

Сама Лидия познакомилась со старцем Севастианом в 1952 году уже после окончания сельхозинститута. На вопрос, каким он был, матушка сказала: «Это не скажешь одним словом. Это очарование, спокойствие, любовь необыкновенная и слезы, конечно».

Во время встречи матушка читала нам стихи, а в конце подарила нам книгу «Помните, дети, пятую заповедь», сказав, что она очень поучительная. «Для тех, кто уже старый — вспомнит и покаяние принесет, а для тех, кто молодой — научит, что надо иметь послушание и терпение. А о терпении говорят, что это цветок, который растет не в каждом саду». Стало ясно, что эта заповедь очень важна лично для нее, что она

Матушка Севастиана с паломниками из Преображенского братства

лежит в основе ее духовной жизни, потому что раскрывается для нее как почтение и послушание не только в отношении своих родителей, но и по отношению к старцу Севастиану и его заветам: «Мы знали, что если кто батюшку слушает, тот получает благодать».

Матушка проводила нас в келью старца, где живет сейчас сама, и показала нам его фотографии и личные вещи. А закончилась наша встреча пением псалмов на русском языке, после чего матушка благословила каждого из нас дорогой для близких старца фотографией батюшки Севастиана.

Марина Наумова

Фото Татьяны Авилловой

полностью текст опубликован на сайте Преображенского содружества <http://psmb.ru>

Как научиться честно нести свою долю тяжести общего креста

26 июня в братстве во имя Новомучеников и исповедников российских прошла встреча, посвященная обсуждению книги Н.Н. Неплюева «Отчеты блосотителя о жизни трудового братства».

Ведущий встречи

Кирилл Мозгов предложил всем собравшимся вместе поразмышлять над тем, что созидает, а что разрушает братство и какова в этом процессе роль каждого братчика. В ходе разговора участники встречи опирались не только на записи Н.Н. Неплюева о жизни Крестовоздвиженского трудового братства, но и на личный опыт церковной жизни, поскольку было интересно увидеть, в чем проявлялась специфика братства, обусловленная историческим и социальным контекстом его жизни, а что в его опыте может пригодиться любому члену Церкви во все времена.

Второй темой, поднятой в общем разговоре, стало то, как соотносится жизнь в братстве с развитием личных даров человека, может ли братская жизнь препятствовать раскрытию этих даров и в чем может быть причина того, что человек «не находит себя в братстве». Рассуждая об этом, один из участников встречи напомнил всем, что человеку важно прежде всего искать Бога, потому что если он всегда будет «искать себя» и только, то только себя и найдет, а это вряд ли поспособствует раскрытию в нем личности и умножению тех талантов, которые каждому дает Господь.

Под конец встречи прозвучал вопрос, что можно сегодня сделать для созидания братской, церковной жизни, а также пожелание каждому из участников разговора приложить чуть больше усилий именно там, где человек увидит в этом необходимость. Поскольку, по меткому выражению Н.Н. Неплюева, важно, чтобы все в братстве были готовы «честно понести долю тяжести общего креста на себе вместо благодатного возлечения на нем».

Екатерина Степанова

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ СЛУЖИТЬ ВСЕМУ МИРУ

В Свято-Филаретовском православно-христианском институте завершился 23-й учебный год. По традиции профессора, преподаватели, сотрудники, студенты и друзья института, а также учащиеся Богословского и Миссионерского колледжей собрались в часовне СФИ на традиционный благодарственный молебен и торжественное вручение государственных дипломов выпускникам.

В этом году на богословском факультете СФИ было защищено 22 бакалаврские работы. Семеро студентов, окончивших бакалавриат несколько лет назад, также защитили в этом году исследования по теологии, соответствующие уровню магистерских. 14 человек закончили факультет религиоведения, 10 — Миссионерский колледж и 28 — Богословский.

Информационная служба СФИ

СЛОВО РЕКТОРА СФИ, ПРОФ.-СВЯЩ. ГЕОРГИЯ КОЧЕТКОВА

Дорогие братья и сестры, мы с вами сейчас совершили молебен на окончание учебного года. Как вы помните, это уже двадцать третий учебный год, завершающийся в нашем институте. Двадцать три года назад невозможно было даже помыслить, что может случиться в ближайшие десятилетия. Открывая наш институт в середине лета 1988 года, мы думали, что так всю жизнь и будем существовать в скромных условиях, на своих квартирах преподавая высшее образование всем ищущим этого христианам, ведь мы понимали, что в наше время христиан без учёбы, без знания традиции, без развития своих духовных, душевных, интеллектуальных навыков не может полноценно служить Богу и

Церкви. Конечно, за прошедшее время многое изменилось. Сейчас уже никто по квартирам не читает лекций, не сдает зачетов; у нас нет ведения духовных дневников, просматриваемых тьютором; у нас нет всего того, что было необходимо в неофициальной, подпольной жизни, неизбежной в советских условиях для нашей Высшей христианской школы, которая должна была учить людей на всех уровнях образования, надеясь на их ежедневное, ежечасное, постоянное внутреннее стремление к этому.

Но время действительно бежит, каждый год убегает так быстро, что не успеваешь оглянуться. Каждый год многое меняется в нашем институте, и теперь мы с вами видим, как он обогатился после получения аккредитации. Хотя учиться стало несколько труднее, потому что добавилось большое количество новых предметов, тем не менее, все эти предметы, входящие в один комплекс гуманитарного или духовного знания, настолько интересны, что мы с вами, несомненно, можем только благодарить Бога за происшедшие изменения. Они не только усложняют нашу жизнь, но и в каком-то смысле ее укрепляют, развивают, делают соответствующей современным, самым «изолированным» формам образования и требованиям жизни, ведь наше историческое время действительно очень непростое.

В такие переходные эпохи происходят или великие падения, или великие достижения. Однако мы ещё не дошли до того времени, когда совершается то или другое.

Пока что нашей главной опасностью является как раз бескачественность, отсутствие всякого уровня. И дело здесь не просто в постмодерне, как иногда говорят. Нет, конечно, мы переживаем то, что люди испытывали уже не однажды, что происходит каждый раз в подобные времена. Но мы должны быть готовы и к большому. Мы должны понимать, что Господь устраивает жизнь всего человечества и всего мира, а нам нужно быть послушными Богу, гибкими, пластичными в Его руках — настолько пластичными, чтобы не мешать Ему действовать через нас. Мы должны принимать ту форму жизни, которую Бог предлагает нам для служения всему миру. Ведь каждый человек может служить всему миру; так было и в древности, и тем более это возможно сейчас, хотя мир становится в определённом смысле более глухим и слепым, менее восприимчивым к какому-то живому слову и вообще к любому проявлению жизни. Многое омертвевает, как бы дряхлеет, отмирает, и мы должны понимать, что та вода живая, которая в таких случаях требуется, даётся как миро на главу, как благодать. И всё это вырабатывается всегда в каких-то тесных обстоятельствах: в тесном общении, во внешних неудобствах служения, в необходимости смирения, послушания Богу, большого терпения.

Без всего этого, конечно, невозможно себе представить и образование в нашем институте, и тем более деятельность тех, кто его сейчас заканчивает (...).

ЖИТЬ МОЖНО ИНАЧЕ

В день праздника Всех святых в Преображенском братстве закончился третий и последний этап оглашения — таинстводводство — для тех, кто воцерковился на Пасху и Пятидесятницу 2011 г. Во время третьего этапа новоцерковленные участвовали в таинствах, а также усваивали основы православной догматики, аскетики и сакраментологии. В Русскую православную церковь в качестве её верных членов вошло около 160 человек из десяти городов России и из-за рубежа.

Мы попросили некоторых из новоцерковленных, проходивших оглашение в малом православном братстве Во имя новомучеников и исповедников российских, поделиться своими размышлениями о том, что

значил для них путь в Церковь длинной в полтора года.

— В связи с нашим окончанием оглашения рождается такой образ: достойная жизнь закрыта от человека, пока он не воцерковлен, тяжелой дверью с тремя замками, и оглашение дает ключи к этим трем замкам. Первый ключ — первый этап оглашения, второй ключ — второй этап, и третий ключ, соответственно, третий этап оглашения. Того, кто в итоге откроет эту дверь, ждет огромная радость (Павел, юрист в банке, 22 года).

— Для меня, человека верующего и до оглашения, самым важным оказался опыт того, как вера может быть воплощена в реальность,

как Бог может действовать в этом мире через человека и участвовать в его жизни. Это опыт преодоления раздвоенности, утверждения и укрепления в вере за счет полученных знаний о православной традиции, а также благодаря личному общению с верующими воцерковленными людьми, с которыми я познакомился во время оглашения. В результате появилось четкое понимание того, кто я такой, за что я ответственен и что я могу (Андрей, инженер в области телекоммуникаций, 27 лет).

— В процессе оглашения плавно и иногда незаметно для меня самого изменялось направление моей жизни. Мне стало понятно, «куда» дальше жить — ко Христу, к Его святым, к Церкви. Оглашение было мощной струей свежего воздуха. Духовное общение отрывало от суеты, возвращая утраченное понимание того, что жить можно иначе, нежели по-животному, адаптируясь к правилам игры мира сего. Воцерковление не зря созвучно с выздоровлением и выпрямлением пути — оно восстанавливает законное право человека на первородство от Бога, бездарно вымененное на «чечевичную похлебку»: идолов, суетные цели и искусственные идеалы (Роман, младший научный сотрудник экономического института, 25 лет).

Татьяна Васильева
Информационная служба
Преображенского братства

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ ПЕРЕХОДИТ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ

С 2011/12 учебного года студенты I курса Свято-Филаретовского института начнут учиться по новому учебному плану по направлению «Теология», который утвердил 13 июня ученый совет СФИ. Учебный план разработан учебно-методическим отделом СФИ в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС) третьего поколения, основная особенность которого заключается в увеличении удельного веса интерактивных занятий и усилении методического обеспечения самостоятельной работы студентов. Вводится также большое число новых дисциплин, относящихся к так называемым дисциплинам по выбору студента.

Разрабатывая перечень таких дисциплин, Свято-Филаретовский институт преследовал ряд задач.

Во-первых, расширить возможность ознакомления студентов с источниками по преподаваемым богословским, историческим и другим дисциплинам, а также с фундаментальными исследованиями ведущих ученых, ведущих богословов.

Во-вторых, ввести в образовательный процесс элементы специализации, соответствующие тематике будущей выпускной работы (при том, что профиль подготовки по направлению теологии останется единым — общим). Исходя из тем, которые студенты разрабатывают в квалификационных работах в рамках существующих в институте приоритетных научных направлений, учебно-методический отдел рекомендовал ориентироваться на три специализации: 1) по миссиологии и катехетике, 2) бо-

гословско-литургическую, 3) церковно-историческую.

В-третьих, знакомить с появляющимися новейшими документами и источниками, а также с новыми исследованиями преподавателей института.

Кроме того, новый ФГОС предполагает модульную структуру учебного плана. То есть он составляется не из отдельных предметов, а из модулей дисциплин, преподавание которых имеет единую цель и завершается общим экзаменом. Возможно и разделение одной дисциплины на тематические блоки, по каждому из которых в случае целесообразности может быть предусмотрена своя форма текущей аттестации студента.

Многие формы учебной работы, предусмотренные новым ФГОСом, фактически уже исполь-

зуются в СФИ. Так, характерными примерами модулей дисциплин являются блоки «Миссиология, катехетика, гомилетика», «Всеобщая история», «Отечественная история» и другие.

Важное требование нового стандарта — методическое обеспечение самостоятельной работы студентов. Очередным шагом Свято-Филаретовского института в данном направлении стала разработка в этом году электронного «Личного кабинета», благодаря которому студенты (прежде всего, заочники) смогут оперативно скачивать через web-интерфейс аудио- и видеозаписи лекций, сопроводительные и методические материалы в графических и текстовых форматах, иметь постоянный доступ к учебному плану.

Информационная служба СФИ

Работа над ошибками

Проект по десталинизации был обнародован в марте 2011 г. советом при президенте по развитию гражданского общества и правам человека. В середине мая «Левада-центр» включил предложения правозащитников в опросник и спросил у 1600 респондентов, поддерживают ли они эти меры. Подавляющее большинство их поддержало. 70% россиян готовы принять участие в создании книг памяти жертв тоталитарного режима и установке памятников жертвам репрессий, 63% респондентов выступают за государственную политико-правовую оценку массовых репрессий. За социальную поддержку ныне живущих в России жертв репрессий выступают 78%, рассекречивание архивов о массовых репрессиях приветствуют 67,8% граждан. 71% приветствовали бы завершение процесса юридической реабилитации граждан, осужденных по политическим мотивам, более половины россиян (53%) готовы поддержать принятие закона, запрещающего увековечивать в названиях населенных пунктов и улиц память лиц, несущих ответственность за репрессии.

«Несмотря на тихую и многоплановую реабилитацию Сталина и то, что благодаря пропаганде последних лет в общественном сознании произошла искусственная «склейка» его образа с победой в войне, большинство так или иначе признает его ответственным за совершенные преступления», — утверждает директор «Левада-центра» Лев Гудков.

Оппоненты разработчиков программы десталинизации утверждают, что она ведет к ослаблению государства. «Я за программу увековечивания памяти мирных жертв террора, но против программы десталинизации», — говорит депутат-единоросс Госдумы Сергей Марков. По его словам, реализация проекта приведет к «гиператомизации общества», а население России «устало от того, что историю мажут черной краской».

Из обсуждения программы десталинизации на ТВ создалось впечатление, что «сверху поступил заказ представить инициативу как стремление разжечь рознь между различными социальными слоями», отмечает член президентского совета Мара Полякова.

По словам коллеги Поляковой, Валентина Гефтера, с администрацией президента есть договоренность о создании рабочей группы, которая займется дальнейшей реализацией всех пунктов программы. «Работа идет медленно и трудно, и по большинству вопросов мы встречаем непонимание государства», — констатирует правозащитник.

По мнению Гудкова, программа десталинизации безуспешна при высокой степени апатии в обществе. Люди не связывают проблемы осмысления прошлого с нынешними проблемами и политической ситуацией, подобные вопросы слишком отвлеченные для населения, констатирует эксперт.

Ирина Новикова
Ведомости.ru

ОТКУДА БЕРУТСЯ ИСТУКАНЫ

О том, что можно сделать, чтобы опыт новомучеников был воспринят Церковью, размышляют гости выставки «Неперемолотые. Опыт духовного сопротивления на Урале в XX веке»

— Отец Георгий, на что Вы хотели бы обратить внимание участников выставки?

Прот. Георгий Митрофанов, член Синодальной комиссии по канонизации святых: Нам важно помнить о духовной, нравственной, даже мистической составляющей нашей истории. Урал — это уникальное место в России. С одной стороны, здесь произошло убийство последнего русского государя, здесь довольно рано возникли принявшие очень жестокий характер гонения, в которых была весьма ощутима «народная инициатива». В то же время, мы не можем не помнить и того, что произошло в дальнейшем, когда секретарь Свердловского обкома так или иначе оказался разрушителем коммунистической системы.

Что-то из представленного на этой выставке мне очень хорошо знакомо, что-то совсем не знакомо, что-то у меня вызывает вопросы, в частности, экспозиция, посвященная священнику катакомбной церкви отцу Александру Шабельнику. Ведь церковные расколы XX века — это одна из очень серьезных проблем, возникающих при любой попытке говорить о нашей недавней истории. Многим из нас надо эту выставку осмыслить.

Чем вообще сложна «региональная» история? Тем, что она может хорошо восприниматься только теми, кому введомая история Русской церкви XX века. Только тогда начинаешь ценить детали, которые дают такие выставки, как эта. И ещё: мне кажется, что она требует от экскурсовода очень подробного комментария, потому что большинство людей сегодня искренно не знает и знать не хочет, скажем, о четырех больших этапах гонений (Гражданская война, изъятие церковных ценностей, коллективизация и Большой террор 30-х гг.), которые, как я вижу, у вас в экспозиции обозначены. К сожалению, многие люди сегодня не знают и не помнят основополагающие вещи. Вот лишь один из примеров, который сейчас мне приходит на память именно потому, что это произошло в Екатеринбурге. Я выступал в огромном зале перед уральскими православными педагогами и обратил к ним такой вопрос: у вас тут очень много мемориальных досок, увековечивших память большевистских деятелей, и в то же время здание, в котором пребывал из-

вестный церковный деятель, один из самых крупных историков Русской церкви, связанный с вашим городом, не имеет мемориальной доски. Почему? И никто не понял, что я имею в виду А.В. Карташёва, который окончил Екатеринбургское духовное училище. Зато, услышав его имя, некоторые стали кивать головами: «так он же еретик, это парижская школа». Вот это они «знают» — что Карташёв якобы еретик, а то, что он был связан с их городом, не знают. А некоторые вообще ничего не знали про Карташёва — и при этом они учат детей церковной истории! А ведь история начинается не из знания о какой-то седой древности, а прежде всего из нашего недавнего прошлого, из того, что передается, скажем, в семейных преданиях.

— Что, на Ваш взгляд, можно сделать радикально для того, чтобы опыт новомучеников все-таки был воспринят Церковью?

Прот. Георгий Митрофанов: Чтобы почитание новомучеников приобрело в нашей церкви должное значение, необходимо прежде всего задуматься над тем, почему этого не случилось в течение десяти лет, уже прошедших после канонизации Собора новомучеников.

Наверное, одной из причин этого печального для церкви явления является то обстоятельство, что многие даже воцерковленные люди пытаются жить, по существу сохраняя прежние свои представления о жизни. Даже прийдя в церковь — за утешением, за гарантией какой-то удачи в своей жизни — эти люди менее всего озабочены тем, чтобы внутренне измениться, преобразить себя, попытаться привнести в свою жизнь христианские идеалы, которые действительно наполняют жизнь человека смыслом, но не делают ее легкой. А многие стремятся именно к тому, чтобы зажить, наконец, хотя бы в церкви спокойной, тихой жизнью, да еще, может

быть, в каком-то смысле и успешной — раз они теперь будут ставить свечки Богу.

Новомученики же всем своим жизненным путем указывают на то, на что и Христос указывал: что путь христианина — путь крестный, предполагающий конфликт с окружающим миром, с обществом, которое живет, конечно, отнюдь не христианскими идеалами.

И вот эта необходимость, следуя мученикам, идти по пути наибольшего сопротивления (и в отношении своей внутренней жизни, и в отношении жизни в обществе), наверное, делает подвиг новомучеников для многих не то чтобы неинтересным, но даже неактуальным. И люди пытаются уклониться от этого пути, высказывая в святцах прежде всего тех, кто гарантирует им покой и тишину, или же изобретая новых, еще неканонизованных святых. Им нужны чудотворцы и прозорливцы, им нужны пока хотя бы такие святые, которые символизируют собой некое внешнее величие церкви, государства, страны, народа, но никак не те, кто, жертвенно служа Христу, не приобрел ничего иного, кроме пути страданий.

И вот это многих людей — может быть, даже в церкви — заставляет ходить по замкнутому кругу. Чувствуя какую-то неудовлетворенность своей жизнью, они приходят в церковь, оставаясь приверженными к своей прежней жизни и старой церковной форме, даже если она наполняется совсем нехристианским содержанием.

Поэтому подвигу новомучеников не остается места в жизни многих современных христиан. Поэтому, повторяю, чудотворцы, целители, прозорливцы и символы какого-то внешнего величия, которых можно найти и среди канонизованных, и среди неканонизованных святых, становятся некими «истуканами», закрывающими собой Собор новомучеников в сознании нашей церкви сегодня.

— Отец Александр, как можно помочь православным христианам проникнуться опытом новомучеников, так чтобы он стал живым и настоящим, чтобы он не был внешним? Как могут в этом помочь такие выставки, как «Неперемолотые»?

Прот. Александр Сорокин, настоятель храма Феодоровской иконы Божией Матери: Испытать опыт новомучеников невозможно ни исторически, ни эмпирически. Наши усилия должны быть направлены на то, чтобы обрести опыт Евангельский.

Знакомство с подобными выставками и вообще с жизнью и подвигом новомучеников преследует как минимум две цели. Первая из них — знание своей истории, своей духовной биографии в широком смысле слова, своих истоков, понимание того, что же привело к той неустрашенности, которая характеризует наше общество. Нас должны посещать мысли не только о новомучениках, но и о том пути, по которому следует Россия. Вторая связана с погружением в размышления о том, как же сделать так, чтобы суть нашей духовной жизни стала Евангелием, вестью христианской, чтобы вне зависимости от того, что происходит в истории, вокруг нас, стержень евангельский не исчезал из нашей жизни.

Константин Морозов, помощник руководителя миссионерского отдела Санкт-Петербургской епархии: Чем вдохновляет нас опыт новомучеников и исповедников Российских? Их жизненным примером. Для любого христианина главным смыслом жизни является проповедь Христа, передача той вести, которую он воспринял в своей жизни. А она, действительно, может передаваться только примером. Для нас очень важно то, как люди пронесли эту веру через самые трудные времена нашей истории. История XX века не так далеко отстоит от нас, время гонений — это время жизни наших бабушек и дедушек, а для пожилого поколения — родителей. И образ подлинности жизни кого-то из них может показать и нам то, каким может быть человек. Он значим, наверное, не только для верующих. Он значим для людей, которые сомневаются, которые ещё, может быть, не задавали себе вопрос: «Человек, для чего ты живешь на этой земле?»

И сейчас, находясь в этом выставочном зале, вокруг экспонатов, так бережно собранных, мы окунаемся в атмосферу того кипения жизни, когда слова, к которым мы так сейчас привыкли: «я — верующий», были исповеданием смысла своей жизни. И это не может не восхищать нас, а с другой стороны, это не может не осуждать нас. Отец Софроний (Сахаров) говорил: «Неужели вы думаете, что нахождение рядом со святым — это всегда радость? Это всегда суд. Суд того, что ты не таков, как человек, находящийся рядом с тобой». На этой выставке, наверное, можно так же сказать: это суд над нами, потому что мы не такие. А с другой стороны — это осмысление того пути, который мы прошли. И, конечно же, это миссионерский проект. Ведь здесь на примере обычных людей, которые жили обычной жизнью и не были «неземными», показана вся красота их жизни в самых, казалось бы, неблагоприятных условиях. Как важно принести эту радость подлинной жизни тем людям, которые её не знают.

Я думаю, что каждый человек, заходящий на эту выставку, может задать себе вопрос: «Чему посвящена моя жизнь? И как я могу действительно прожить подлинную жизнь, а не жизнь в обертке комфорта?» Подлинности жизни и посвящена прежде всего эта выставка.

**Беседовала Анастасия Наконечная
Фото Игоря Милованова
и Сергея Туманова**

Проект документа «Церковнославянский язык...» был открыт для обсуждения и на странице Межсоборного присутствия РПЦ в Живом журнале (<http://mpr.livejournal.com>).

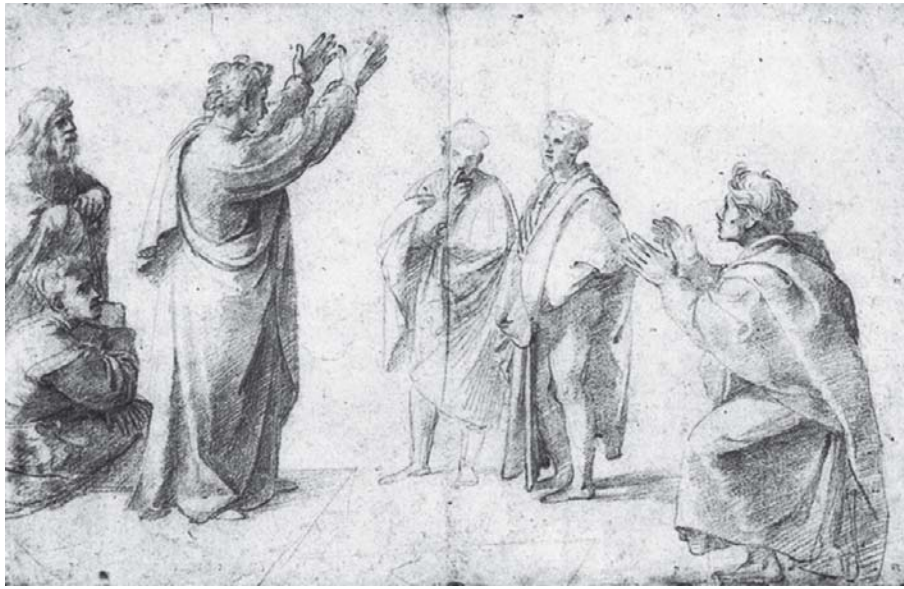
Дискуссия здесь носила достаточно спокойный характер, были и оценочные высказывания, и конкретные предложения по изменению и доработке текста документа. Поскольку в ЖЖ выступающие пишут под своими «никнами», а не реальными именами (хотя в большинстве случаев установит авторство нетрудно), в данном обзоре мы «ники» опустим.

Надо сказать, что в целом документ оценивается как попытка сохранить status quo церковнославянского языка в РПЦ. Противники любых изменений восприняли его достаточно благожелательно, а многими, кто ожидал от него возможности сделать богослужение более понятным, русифицировать его или даже перевести на русский язык, он был воспринят как «неожиданно реакционный». Некоторые, правда, приветствовали предложенные замены в лексическом составе языка и «устранение чрезмерного подражания греческому синтаксису усложняющее понимание текста» словами «наконец-то!», однако дальнейшее обсуждение показало, что оснований для оптимизма совсем немного. Практически сразу прозвучало несколько важных вопросов к тексту документа. Например, остались непроясненными следующие моменты: если «сфера употребления русского языка жестко ограничена проповедью, означает ли это, что вопрос о богослужебном употреблении Синодального перевода Библии (особенно в отношении литургических чтений и Псалтири) решен отрицательно? Подразумевается ли, «что богослужение может совершаться в том числе и на русском языке, как на вполне подпадающем под определение “национальный язык”»? Говорилось, что «в этой части проект документа носит ярко компромиссный характер... В частности, не расшифровано понятие национального языка. В одном из вариантов словоупотребления под национальными языками подразумеваются языки народов России, за исключением русского языка как основного. Необходимо ясно указать, что принципиальная возможность служения на русском языке не отвергается. Или же указать, что отвергается. Но нынешняя “дипломатическая” формулировка представляется неприемлемой». Этот 4-й пункт документа, наверное, вызвал наиболее активное обсуждение. Предлагали написать, что «решение об использовании национального языка принимается простым большинством голосов приходским собранием». Также прозвучало предложение уточнить, чтобы исключить двусмысленность, формулировку: «В Русской Православной Церкви, с благословения Священноначалия, употребляются богослужебные тексты и на национальных языках», прибавив: «не исключая и русский литературный язык, если в этом есть пастырская необходимость». При этом указывается на необходимость «в любом случае внятно сказать, что ни догматических, ни канонических препятствий совершать богослужение на русском или каком-либо ином языке нет. Это должно быть четкой церковной позицией», — что поддерживает другой автор: «Согласен. Иначе неизбежно священным и непреложным объявляется нечто историческое и преходящее. Что-то вроде “без датального самостоятельно-го нет спасения”».

МНЕНИЯ

Далее приведу несколько цитат из полемики. Пожелания ничего не менять остаются в явном меньшинстве. «Редакторская работа с богослужебными текстами может иметь взрывоопасный эффект при непродуманном подходе. Уроки и последствия книжной sprawy XVII века и методы ее проведения должны быть учтены при осуществлении деятельности в богослужебной сфере. Некая архаичность форм и языка богослужения вполне могут быть компенсированы миссионерскими усилиями по приобщению новообращенных к литургическому богатству Церкви» (почему только до сих пор не компенсированы?). «Защитительный документ. Подписываюсь под каждым словом. Ничего менять не надо». «Позиция “выплеснуть с водой и младенца” приводит к мысли, скорее, о сохранении языка, нежели о его модернизации». Встречаются и те, кто не любит и не знает русского языка: «Служебный язык всё же отражает определённое состояние сознания, систему взглядов. А в современном языке (да и сознании) попросту отсутствуют те смыслы, которые передаёт служебный текст. Проще говоря, аналогов — нет». Высказывались и опасения: «Очевидно, что любая структура, будучи созданной под конкретные цели, со временем начинает доказыва-

МОЛИТВА ДОЛЖНА СТАТЬ ЖИЗНЬЮ ВЕРУЮЩЕГО

Апостол Павел проповедует в Афинах. Рафаэль. Эскиз

вать “полезность” своего существования, придумывая задачи и проблемы, чтобы их затем самоотверженно решать. Если литургическая комиссия или, по сути, комиссия по исправлению книг будет организована и станет постоянно действующим органом, то через 10 лет мы можем не узнать нашего богослужения. ...При отсутствии согласия по такому важному вопросу лучшим выходом станет сохранение существующего status quo».

В блоге содержится довольно много замечаний и вопросов к самому документу: «В документе, посвященном *языку*, хотелось бы видеть более точное использование лингвистических терминов. ...Надо создавать различие между языком и текстами. "Опыт святых подвижников, обращавшихся к Богу словами церковнославянских молитв" нашел отражение в *текстах*; но какое отражение он нашел (и нашел ли) в *языке* (т.е. в новой лексике, фразеологии, особенностях синтаксиса, стилистики и проч.) – это вопрос». «Равноапостольные Кирилл и Мефодий, как известно, перевели не на церковнославянский, сложившийся не раньше XI века, а на старославянский язык, который существенным образом отличается от церковнославянского по своей грамматике и орфографии... В документе такого масштаба следовало бы точнее формулировать подобные положения. «Если речь идет именно о замене "полностью малопонятных церковнославянских слов, а также тех слов, которые в современном русском языке имеют принципиально иное значение по сравнению с церковнославянским", то как это согласуется со следующим утверждением: "Эквиваленты для них следует находить по преимуществу не в русском литературном, а в церковнославянском языке"? Если церковнославянское слово непонятно (видимо, так следует понимать "полностью малопонятно") и его надо заменить, менять явно придется на другое слово, т.е. слово из близкородственного, но другого языка. Полных соответствий в языке, как правило, нет, а всегда ли можно подставить синоним, а не точное соответствие, – большой вопрос. Тем более что выше к полученным текстам ставилось требование "точно передавать смысл оригинала", а синонимы неизбежно будут этот смысл в большей или меньшей степени искажать. Кроме того, сформулированная таким образом задача осложняется тем, что практически половина лексического состава русского и церковнославянского языков совпадает. Предложение "устранить чрезмерное подражание греческому синтаксису, усложняющее понимание текста" необходимо влечет за собой постепенный отказ от церковнославянского языка как такового, поскольку тот изначально калькирует греческий синтаксис и без него просто теряет свою идентичность». «Какова процедура получения благословения Священноначалия и кто будет в праве о нем ходатайствовать? – спрашивает еще один автор. – Какова процедура утверждения этих богослужебных текстов?.. Если не прописать процедуру, то не один документ не будет работать».

Отмечалось, что «вопрос о церковнославянском и национальном языках обсуждался на Поместном соборе Православной Российской Церкви 1917—18 гг. Как известно, был принят проект документа, освещающий этот вопрос. (А по моему личному мнению, он должен быть положен

в основу постановления.) Вообще, представляется странной и вредной сложившаяся практика игнорировать решения Собора 1917–18 гг. ... Эти постановления могут быть приняты как руководство к действию, они могут быть подвергнуты корректировке, их исполнение может быть ограничено или отложено — но игнорировать их невозможно». Далее автор цитирует полностью текст проекта постановления Собора 1917–18 гг.

Среди прочих рассуждений хотелось бы отметить следующие: «Понимание темы молитвословия не является достаточным для осознанной, разумной молитвы. Я служу в селах 16 лет. Эти люди плохо понимают даже по-русски. И плачут на исповеди, осознавая, что произнесение в молитве слов, которых они сами не понимают, является ложью, грехом. Эти люди не в состоянии изучать ЦС, т.к. они не способны к этому, ни в силу интеллектуального развития, ни в силу образования, ни по причине занятости добыванием пропитания. Они не важны для Церкви? Даже 100% понимание текста не может быть оправданием ЦС богослужения. Одним из важных условий того, чтобы молитва стала жизнью верующего, а не частью жизни, является обращение к Богу на том языке, на котором человек думает, говорит, живет. Это очевидно для любого адекватно мыслящего церковного человека».

«Вообще весь Апостол — прекрасный образец подлинного церковнославянского языка. И он совершенно непонятен — не только со слуха, но и при чтении неспециалистом. Мне, кстати, всегда неясна цель этого чтения за литургией. Изобразить благовестие или благоговествовать? Если благоговествовать, то, да, пойти на значительное упрощение языка. Либо рекомендовать читать на церковнославянском, а затем на русском. Именно рекомендовать, а не разрешать в исключительных случаях».

«Документ в таком виде... старается удовлетворить самым разным пожеланиям самых разных людей, а в результате не удовлетворяет практически никого: те, кто не хотят перемен, видят тут призыв к переменам, а те, кто их хотят — отказ от них. Необходимо очень четко и недвусмысленно отказаться от всяких рассуждений о “священном языке, данном непосредственно Богом, не претерпевшим и не допускающим никаких изменений”». Церковнославянский — культурно-историческое сокровище, но не догмат веры и не содержание откровения. Стоит заняться исправлением явных ошибок и невнятиц в тексте, но искусственное сближение с современным русским просто ни к чему. Параллельно и совершенно отдельно следует заниматься осторожным и вдумчивым усвоением и, по мере востребованности, расширением опыта богослужения на современных языках, включая и русский. Ставить вопрос “русский ИЛИ церковнославянский” — очевидная нелепость, которая приводит к лишним и очень горячим спорам».

«Современный русский литературный язык засоряется жаргонизмами, иностранными словами и “новоязом” типа интернет-албанского¹ – спасать и сохранять надо именно этот язык, поддерживая и пропагандируя культуру речи, русскую классическую литературу – чему изучение ЦСЯ может помочь, но не сможет его заменить. Грамотная, богатая, развитая речь должна быть нормой церковной жизни, а это невозможно без близости языка богослуже-

ния и литературного русского языка. Ссылки на «сохранение кирилло-мефодиевских традиций» кажутся спекуляцией, поскольку Святые братья-просветители и не заявляли целей создания единого для всех славян универсального и неизменного литературного языка на все века. ...Кирилло-мефодиевское наследие заключается не в слепом повторении и воспроизводстве однажды созданных форм, но в умении творить формы следуя Духу, чем и руководствовались и Учители словенские и равноапостольные Стефан, Иннокентий и Николай в свое время. В этой связи сказать, что русский язык менее «духовен», чем славянский означает зачеркнуть всю церковную проповедь, катехизацию и миссионерство, отеческие труды 18 – 20 вв... Составленный Свт. Афанасием Ковровским чин «Молебного пения об Отечестве» (1941) фактически написан на русском языке и это несколько режет слух, но ведь молитва и должна производить такое действие, а если представить его на ЦСЯ – вся идея, вложенная в текст «скруглится» за обтекаемыми славянизмами, потеряет свою пронзительность, соленость – и зачем тогда она нужна? Исправление текстов нужно, иначе катехизация так и останется введением в славянское языкознание, а не в Царство Небесное.

«Встречается мнение, что церковнославянский это ангельский язык и что особые вибрации его звуков преподают благодать. Тут видна простая безграмотность. Люди забывают или не знают о благодати Святого Духа. И таким образом воздают честь языку а не Богу. Думаю, нужно также разъяснять, что благодать преподается Богом и что в храме при молитве Господь через любой язык преподаст и откровения и благодать. ...Непонятность текста поощряет не имеющие под собой оснований догадки. Думаю нужно здоровое учение о церковно-славянском языке, и в связи с учением о молитве. Почему-то получается, что в документе церковно-славянский на первом плане, а молитва на втором. Думаю, нужно поставить молитву на первый и, исходя из того, какой бывает молитва, подумать про различные языковые средства».

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В блоге есть и развернутые предложения, есть и простые пожелания: «Чтецов специально обучать, как учат дикторов на телевидении», поскольку «часто в храмах читают так, что хоть перейди они на китайский, никто из прихожан и не заметит». Или: «Указать на недопустимость использования при написании на ЦСЯ элементов несвойственной ему орфографии» (речь идет о церковнославянских текстах, записанных так называемым «гражданским» алфавитом). Встречаются даже почти экзотические: «Желательным было бы иметь два варианта русского богослужебного языка. Один более литературный, «интеллигентский» (вроде СФИ), другой упрощенный, для села и провинции. Даже если при этом утерается часть смысловых оттенков сложной византийской гимнографии, мы сможем дать людям несоизмеримо больше».

В числе наиболее разумных стоит отметить несколько предложений. Например, неоднократно указывалась необходимость исторической преамбулы: «Показать, что богослужебный язык русской церкви изменялся, находясь в живом взаимодействии с русским языком, претерпевал значительные и не всегда положительные изменения в результате справ и поновлений – стратегически важная задача. Это поможет уйти от рассуждений о священном языке и порождаемых этими рассуждениями соблазнов». «**НЕОБХОДИМО:** Приложив максимум сил, рассмотреть уже имеющиеся переводы богослужения (дореволюционные, иеромонаха Амвросия (Тимрота), СФИ, Юнгера, Аверинцева и др.) и найти общецерковный вариант перевода богослужения на современный русский язык. Можно благословить какой-либо из имеющихся переводов (один или несколько) как временный вариант до выработки общецерковного... необходимо дать возможность приходам самим определяться, на каком языке совершать богослужение. В монастырях рекомендовать ЦС богослужение, учитывая то, что насельники монастырей имеют время и возможности для изучения ЦС. Этим можно удовлетворить и тех, кто считает, что в призвании Церкви входит сохранение “культурных ценностей”».

Таким образом, очевидно, что документ затрагивает достаточно актуальный и животрепещущий вопрос богослужебного языка, но, судя по всему, нуждается в доработке.

Обзор подготовил Кирилл Мозгов

¹ В цитатах везде сохранена орфография и пунктуация оригинала

Начало темы — на с. 1

ГОВОРЯТ ЧЛЕНЫ КОМИССИИ

— В этом году состоялось много защит. Приведет ли это накопление потенциала к качественному скачку в работе института в ближайшей или, может быть, более далекой перспективе? Позволяет ли что-нибудь в самих прошедших защитах об этом говорить?

З.М. Дашевская, декан богословского факультета СФИ: Мне представляется, что прошедшие защиты показывают, что институт имеет серьезный богословский потенциал, который выявляется и на уровне студенческих работ. Защиты выпускных работ задают серьезную перспективу, на чем, как мне представляется, необходимо сосредоточить особое внимание. Ведь итог защит — это не только показатель квалификации студентов, но и свидетельство определенного консенсуса преподавателей, профессоров института, научных руководителей в том, каков наш внутренний критерий качества. Его показывает и выявляет и уровень представленных работ, и сами защиты, потому что студенты представляют не только текст работы, но и показывают свою квалификацию и знание вопроса. Я искренне радовалась за наших студентов. Меня порадовала тематика: как ее разнообразие, так и содержание. Да, студенты находятся в рамках учебных квалификационных тем, но тем не менее они могут предложить какие-то свои расширения этих тем, и видно, что они выбирают актуальную тематику. Я бы особо отметила высокий уровень работ по церковно-исторической, литургической, богословской тематике. Это разнообразие действительно показывает наши возможности: мы не просто выбирали себе колею и примерно в ней и движемся. Нет. Есть очень много хороших заделов — творческих, богословских — живых. Важно, что для всех работ был характерен внутренний, церковный подход при старании и сохранить критическую дистанцию, и использовать все последние научные наработки, и привлекать исследования на иностранных языках, и заниматься всерьез критическим исследованием проблемных сторон церковной жизни. Представленные к защите работы представляли результат не отвлеченной умозрительной деятельности, но были полны подлинным интересом к жизни церкви, к ее прошлому, настоящему и будущему. Конечно, были и студенческие просчеты, и недостатки, но преодолевать их при должном руководстве, при продолжении обучения в магистратуре, при соответствующей специализации в аспирантуре люди научатся. Но то, что уже есть — сочетание подлинно церковного интереса с профессионализмом и качественным научным подходом — очень продуктивно, очень интересно и несет в себе большой творческий потенциал.

Тот импульс, который вложил в институт его основатель и ректор, сейчас, как мне представляется, начинает разворачиваться и раскрываться в самых разных работах и исследованиях. И мне кажется, что это очень перспективно, потому что во всем этом чувствуется дыхание жизни богословской мысли, подкрепленной соответствующим качеством научной работы и квалификацией.

— В рецензировании работ участвовали представители различных вузов. Что в этом контексте можно сказать о развивающемся сотрудничестве СФИ с другими вузами, и светскими, и духовными?

ЗМД: Нам, конечно, очень важно, как оценивают уровень работ наших выпускников профессора и преподаватели Московского или Петербургского университетов, так же как и других учебных заведений, которые известны качеством своей подготовки и своего образования. Расширение этого круга свидетельствует, что те вопросы, которые ставят наши выпускники, наши студенты, интересны для представителей других высших учебных заведений, которые работают или специализируются в сходной области. И это мне кажется очень важным, потому что в контексте светской науки всегда есть опасность вопросы, связанные с церковной тематикой, несколько объективировать и рассматривать исключительно в позитивистском ключе. А ведь важно, чтобы все эти исследования работали на углубление церковного самосознания, знания своей традиции, Писания и Предания Церкви, используя при этом современных методы исследовательской работы. Оказывается, что людей, которые именно так представ-

ляют себе развитие церковных наук, богословия, церковно-исторических дисциплин не так много, поэтому единство с ними в основных подходах, как мне кажется, принципиально важно.

— В этом году в СФИ состоялось много защит итоговых работ, значительно больше чем обычно. Каково общее впечатление? Наблюдается ли здесь какая-нибудь динамика по сравнению с предыдущими годами?

А.М. Копировский, ученый секретарь СФИ: Год на год не приходится, и устойчивую тенденцию проследить не так просто. Но в целом уровень вырос, откровенно слабые работы (хотя они тоже имели место) просто не допускались к защите. Из тех же, которые были представлены, откровенно слабой оказалась только одна. Она была оценена на «тройку», все остальные — на «хорошо» и «отлично». Было приятно видеть серьезные темы. Многие из работ на своем бакалаврском уровне затрагивают такие вопросы, которые до конца еще не отработаны в богословской науке. Некоторые бакалавры сделали серьезные заявки, и эти темы теперь нужно будет развивать дальше. Не случайно большинство получило рекомендацию продолжать обучение, и довольно много было рекомендаций к публикации.

— Даже на уровне бакалаврских?

АМК: Да, и на уровне бакалаврских. Частично, хотя бы в виде статей, отдельных положений эти работы можно публиковать, например, в нашем альманахе. В каком-то смысле они даже могут послужить учебным материалом для заочников, да и для очников тоже. И это, безусловно, важно. Ведь нынешний пафос возрождения старых книг, учебников XIX — начала XX века мне кажется не очень естественным. Без современных исследований даже добротные старые тексты (я уж не говорю о тех, которые не очень качественные) не будут восприниматься правильно. Сейчас акцент все больше перемещается на современную проблематику, и даже бакалавры, а не только преподаватели, вносят в это все больший вклад.

— Все это, как и многочисленные свидетельства, что у широкого круга преподавателей нашего института складывается определенное единомыслие, общность подхода, возможно, говорит о том, что институтом совершается выход на другой уровень научной работы. Это действительно так?

АМК: В какой-то степени — да. И мы очень надеемся, что сможем шире представлять свои материалы. Не так давно СФИ заключил договор с Русской христианской гуманитарной академией в Петербурге. У нас теперь будут совместные студенческие конференции «Сретенские чтения», в Москве и Петербурге поочередно. А значит, я надеюсь, больше будет возможностей не просто прочитать доклад, но и обсудить его. И, как следствие, находить возможности для диалога, чтобы обсуждение не превращалось в конфронтацию или наоборот, поверхностный обмен мнениями, но становилось некоторой живой творческой лабораторией. Я думаю, что это наши студенты вполне смогут сделать,

ЗАЩИЩАЙТЕСЬ!

Впечатления от защиты итоговых работ в СФИ

ведь на защите они проявили себя очень хорошо. Вопросы у членов комиссии были серьезные. Не случайно защиты шли несколько дней, и комиссия не спешила, не старалась закончить все побыстрее. При этом, повторюсь, что сами работы были далеко не слабыми, несколько раз повторялась формула: «Студент знает намного больше, чем показал в работе». Так что я уверен — перспектива есть: и в научных разработках, и в выступлениях на различных конференциях, и в возможности публикации, и т.д. Возможностей много, главное — их использовать.

ГОВОРЯТ СТУДЕНТЫ

Хотя для внешнего взгляда событие защиты иногда предстает несоизмеримым с затраченными на обучение временем и прочими ресурсами (именно так отзывался о нем взрослый сын одной из нынешних студенток СФИ, будучи приглашенным на него в качестве фотографа: «Ради короткого доклада и получасового обсуждения вы и учитесь четыре года?!»), все-таки само оно есть, в самом деле, лишь незначительная часть айсберга, т.е. всего образовательного процесса. Думаю, что немного могу об этом судить, потому что в моем случае процесс обучения затянулся, разбившись на две стадии.

Окончив бакалавриат еще в 2000 г., по разным причинам я не подготовил тогда итоговой работы и, соответственно, не защитился. Восстановившись же год назад уже непосредственно для написания бакалаврской работы, смог, как говорится, прочувствовать разницу между тем и нынешним учебным процессом. Почему? В связи с прошедшей в 2009 г. в СФИ государственной аккредитацией в учебный план добавилось несколько десятков предметов, из-за чего все соискатели, не имеющие высшего гуманитарного образования (как я, например), должны досдавать приличное количество курсов (обычно — чуть больше двадцати). Надо сказать, что это не было простой формальностью, но потребовало очень серьезной и плотной подготовки. Но я, как ни странно, постфактум благодарен за это неожиданное препятствие (хотя сначала и возмущался), потому что оно дало возможность вернуть тонус, разработать обмякшие учебные «мышцы» и ознакомиться с целым рядом очень интересных курсов и дисциплин.

Можно определенно сказать, что уровень учебного процесса очень сильно вырос «с конца прошлого тысячелетия». Правда, тогда отношение к духовному образованию (по крайней мере, у меня) было достаточно факультативным: не предполагалось, что оно может пригодиться в жизни на серьезной, может быть, даже на профессиональной основе. Впрочем, и тогдашнее его качество было уже приличным. Об этом может свидетельствовать тот факт, что в начале 2000-х, совершая поездки по стране, удавалось поддерживать весьма неплохой уровень диалога при встречах с различными церковными и общественными деятелями. Много, полученное во время обучения, в критические моменты неожиданно всплывало в памяти, актуализируя

знания, которые в лучшем случае считались «без вести пропавшими». Лично для меня это весьма важный показатель качества образования: например, в виде аналогичного примера можно привести случай с моим одноклассником по математической школе. Он (толковый, но не «звездный») через несколько лет после окончания школы — до этого был бизнес — спокойно поступил в вуз, лишь пару месяцев интенсивно поглотившись и с удивлением обнаруживая неизвестно откуда проступавшие знания, плотно заложенные в нас в выпускных классах нашим превосходным учителем математики (к сожалению, здесь нет возможности рассказать о нем подробнее).

Но нынешний уровень подготовки в СФИ, наверное, уже вполне годится даже для какой-то профессионализации. Тем более что в церкви это становится все более востребованным, и эту сторону вопроса теперь уже нельзя совсем упускать из внимания. Однако акцент все же хотелось бы сделать на другом. Многие соискатели отмечали, что сам процесс защиты, несмотря на волнение, сложность и пр., являлся не просто формальной процедурой, но некой важной смысловой дискуссией, в которой члены государственной аттестационной комиссии, научные руководители, рецензенты и даже сами соискатели весьма охотно принимали участие. Фактически по каждой предлагаемой работе, особенно если ее тема представлялась актуальной и проработка была качественной, разворачивалась настоящая микроконференция. Нельзя не отметить в этом прямую заслугу председателя комиссии, ректора Московского государственного областного социально-гуманитарного института А.Б. Мазурова. Его участие буквально в каждой защите было очень живым и ярким, для выпускников — большая удача, что именно он уже не первый год возглавляет аттестационную комиссию.

Для соискателей реальным практическим результатом таких защит может стать как минимум опыт личного участия в квалифицированной дискуссии, а также обретение каких-то новых нюансов и смыслов в разрабатываемых ими темах. Думаю, что не без интереса наблюдали за происходящим и те, кто просто пришел посмотреть, послушать защиты и «поболтать» за своих.

Максим Дементьев

На прошлой неделе я защищала свою итоговую работу в Свято-Филаретовском институте. Шла к ней нелегко, хотя тема была очень интересная — об истории Союза православных братств Петрограда. Моим руководителем был Михаил Витальевич Шкаровский — известный историк, конечно, хорошо знающий эту тему; он помог мне ее увидеть и попытаться в ней разобраться. Много помогал мне и институт — в первую очередь, сотрудники кафедры. И вот что удивительно: больше всего серьезных замечаний прозвучало не от «внешнего» рецензента, а как раз от «внутреннего» — от зав. кафедрой истории СФИ К.П. Обозного. И это как раз то, за что и хочется благодарить Бога и наших преподавателей. Как сказал дьякон Павел в день защиты, «хочется особенно благодарить за удивительную атмосферу Свято-Филаретовского института — с одной стороны, по-настоящему братскую, в каком-то смысле домашнюю, а с другой — по степени строгости во многом превосходящую другие вузы».

Анастасия Наконечная

У меня остались хорошие и светлые впечатления от защиты. Преподаватели очень доброжелательны к тебе, переживают не меньше самих студентов; вместе с тем, уровень обсуждаемых вопросов и затрагиваемый широкий контекст обсуждений говорит о серьезности и хорошем качестве проделанного труда. Вообще, в нашем институте сдача экзамена, а тем более защита итоговой работы — очень интересное и содержательное занятие.

Но мне также особенно запомнился сам процесс подготовки, работа кафедры. Благодаря этому мне легче удавалось не терять из виду цель работы, решать основные задачи, видеть некоторые острые моменты, связанные с актуальностью темы. Прodelав хотя бы небольшую работу, приходишь на кафедру, в ответ сразу получаешь целый ряд ценных рекомендаций: фактически происходит такой мини-семинар на тему твоего исследования с участием всех преподавателей кафедры. По-моему, это здорово.

Дмитрий Дорошко

СТАНЕТ ЛИ ВНОВЬ ХРИСТИАНСКОЙ ПОСТСЕКУЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА

Александр Михайлович Копировский,
ученый секретарь
Свято-Филаретовского
института

«Кифа»: Как Вы считаете, какие цели и задачи преследует договор сотрудничества между РХГА и Свято-Филаретовским институтом и в чем это сотрудничество может и должно выражаться?

Д.К. Бурлака, ректор Русской христианской гуманитарной академии: Оно уже выражается в обмене преподавателями, который можно и нужно расширять. Научные, издательские контакты тоже возможны. Но я бы хотел сказать о сотрудничестве в более широком культурологическом и даже философском ключе. Ведь договор не является самоцелью, он лишь фиксирует некоторый уровень близости или, наоборот, отдаленности.

В целом, когда какие-то учреждения, действующие в области образования, в области культуры, заключают договор, как правило, его бизнес-составляющая — не самая значительная. Гораздо важнее контакты. Появление такого договора, как у нашего вуза со Свято-Филаретовским институтом, закрепляет определенную традицию. У нас есть договор с Санкт-Петербургской православной духовной академией, которая является нашим учредителем, есть договор с Общецерковной аспирантурой и докторантурой имени Свв. Кирилла и Мефодия. И мне представляется очень важным, чтобы возникали договоры между структурами, подобными СФИ и РХГА, поскольку мы сейчас находимся в пространстве культуры, христианской по своим корням, но по своим «вершкам», скорее всего, уже постсекулярной или постатеистической. И большой вопрос, станет ли вновь эта постсекулярная культура православно-христианской, или в ней будут доминировать другие ценности, а может быть и другие религиозные традиции. Поэтому задача институтов, подобных нашим, действующих снизу, созданных самими мирянами, — укреплять многообразные взаимно скрепляющие связи, как об этом пишет ап. Павел в Послании к ефесянам (Еф 4:16). Договоры лишь указывают, в каком направлении надо бы это сделать. Поскольку люди иногда ошибаются, надо фиксировать какие-то вещи: «мы договорились вот об этом, давайте двигаться в этом направлении». Договор несамодостаточен, и дело в том, чтобы пространство постсекулярной (все-таки я скажу не постхристианской) культуры наполнялось христианским смыслом.

А.М. Копировский, ученый секретарь Свято-Филаретовского института: Да, это действительно важно, потому что сейчас есть большое искушение: получив свободу, замкнуться в себе и тихо существовать по принципу «только бы нас никто не трогал»... Но тогда, с одной стороны, не будет свидетельства о Христе, а с другой стороны — можно очень быстро «высохнуть». Надо видеть вызовы времени и реагировать на окружающее, которое отнюдь не только негативно, ведь оно произрастает из древа когда-то христианского общества. Другое дело, что, найдя лучшее в прошлом, к нему обязательно нужно прибавить что-то современное. Ведь сейчас даже возрождение всего лучшего, что было в прошлом, не даст еще перспектив для современности, может оказаться (и чаще всего, оказывается) всего лишь стилизацией.

Оба наших вуза опираются на старую традицию, в то же время они новые, новые по типу. Мне трудно представить себе полную аналогию СФИ или РХГА не только в древности, но и в начале XX века.

«Кифа»: А чей опыт был для вас основным в создании ваших вузов, на что вы опирались?

ДКБ: Сейчас это можно сказать, наверное, только ретроспективно. В самом начале мы не опирались ни на чей опыт, а

просто действовали «от избытка сердца». Ближайшим же аналогом РХГА в силу её гуманитарности можно считать Бестужевские курсы — мы, к слову, начинали именно как курсы — Высшие гуманитарные курсы. Потом из них вырос Русский христианский гуманитарный институт. К 20-летию вуза в 2009 году я написал для «Вестника РХГА» статью «XX лет по русскому пути», в которой отражены основные этапы нашего развития. С ней можно познакомиться на сайте академии www.rhga.ru. Если смотреть еще дальше — это Славяно-греко-латинская академия. Следующее более широкое кольцо культурных влияний — Византия; первый университет был создан именно там и оказался едва ли не последним. Все-таки Византия связывается в нашем мышлении с патристическим периодом, а схоластика, то есть школы, она не порождает. Поэтому, если мы посмотрим на более широкий круг, выходящий за рамки этого православного ареала, это схоластика. В особенности вторая схоластика, я имею в виду образовательную систему иезуитов, которая была лучшей для своего времени в Европе.

В целом надо честно признать, что российский опыт не дает нам много аналогов. Может быть, это было одной из причин того, что революция в России имела такой катастрофический характер.

АМК: Что касается нашего института, то мы работаем давно — с 1988 года. Основатель и ректор СФИ, свящ. Георгий Кочетков, уже тогда сказал: надо создавать не богословские курсы, а именно институт, но исходить из наших реальных возможностей. Поэтому тогда он был единственным преподавателем, но студенты к нему обращались еще и как к тьютору. Он не читал лекции, но рекомендовал литературу. Это были не отдельные статьи, а ключевые солидные монографии, содержание которых студент с ним проговаривал. В каком-то смысле это был восходящий к аристотелевской традиции перипатетический подход: не единственная встреча студента с преподавателем на зачете (что почти всегда бывает при заочном обучении), а многократное общение с тьютором, чтобы все прочитанное хорошо усвоить.

С другой стороны, нас очень вдохновляла традиция русского религиозного возрождения, в частности, парижского Свято-Сергиевского института.

С тех пор многое изменилось, но главная тенденция — что верующие люди должны иметь серьезное образование независимо от рода их внешней деятельности — осталась неизменной.

ДКБ: Я думаю, что близость наших институтов заключается еще и в том, что традиция русской религиозной философии фактически в каком-то смысле является методологией построения образовательного процесса. Да, можно считать, что у всех были какие-то заблуждения — и у Владимира Соловьева, и у о. Сергия Булгакова — но важен сам импульс, который они дали, стремясь говорить о христианстве, о вечных истинах в категориях, которые выработала мысль к тому времени: категории развития, категории процесса, категории взаимодействия... Я думаю, что без такого интеллектуального опыта мы будем обречены на создание музеев, неких «лавок древностей». Поэтому, конечно, понимая, что у каждого выдающегося мыслителя могут быть свои заблуждения, тем не менее, надо признать: пока что ничего лучшего, чем эта традиция, у нас, русских, попросту нет. На какой другой контент нам опираться? В целом, конечно, на отцов Церкви, но ведь нельзя не учитывать, что после их эпохи прошла тысяча лет и философский, гуманитарный контекст теперь совсем другой.

Даже неопатристика, о которой сейчас так много пишут, возникла как реакция на русскую религиозную философию. Вне этого её даже невозможно понять, она в каком-то смысле задействует интуиции русского религиозного возрождения, просто дает им другую интерпретацию, и мы получаем новую рецепцию. Конечно, и этих авторов надо исследовать, но в каком-то смысле они являются открытыми к будущему — и Флоровский, и Лосский...

АМК: Как и те, кто были до них, их великие предшественники, такие как Бер-

Дмитрий Константинович Бурлака,
ректор Русской
христианской
гуманитарной
академии

дяев — те, с кем неопатристы спорили. Они, конечно, смотрят значительно дальше, чем их последователи.

ДКБ: Мне хотелось бы вернуться к Вашей мысли об опасности стремления замкнуться, обособиться. Это действительно актуально для православной культуры. Такое «подвальное», катакомбное сознание присуще, не будем скрывать, именно православным христианам в большей степени, чем протестантам или католикам, которые более ориентированы на социально-культурное делание. С одной стороны, это, может быть, и неплохо, здесь сохраняется, «не выносятся на свет» традиция — так корни не обнажишь, ведь они могут засохнуть. С другой стороны, одни корни сами по себе — это еще не дерево. Здесь, конечно, нужен баланс. Психология катакомбного человека, возможно, оправданная в годы давления на церковь, когда речь шла о том, чтобы просто выжить, ныне, в ситуации информационного общества, глобализационных процессов обречет нас на маргинальность. Православной церкви как никакой другой есть что сказать миру. Другой вопрос — как найти адекватный язык.

Я думаю, что это и вопрос о миссии в учебном заведении: христианская интеллигенция не растет, как грибы после дождя, ее надо культивировать. Она в каком-то смысле должна сама себя культивировать.

АМК: В начале 1980-х годов, задолго до процессов, приведших к освобождению церкви, о. Георгий, наш ректор, и я получили возможность довольно долго побеседовать с грузинским патриархом Илий. И он спросил нас: к кому сейчас должна обращаться церковь в первую очередь — к простому народу или к интеллигенции? Мы с отцом Георгием, не сговариваясь, ответили: конечно, к интеллигенции! И патриарх Илия ответил: «Правильно, интеллигенция это заварила, пусть она это и расклебывает...»

Христианской интеллигенции нужно не только кого-то вдохновить, научить, облагородить, но и искупить свои старые грехи.

ДКБ: Мы часто под интеллигенцией понимаем ту прослойку, которую породили петровские реформы, но это отчасти специфика России. В принципе же интеллигенция — это продукт развития христианской культуры. Другое дело, что не только при Петре, но вообще в эпоху Просвещения она секуляризировалась, причем секуляризировалась в силу своего ума быстрее, чем это было в «традиционных» слоях. А сейчас уже традиционные слои общества секуляризированы, и надо с ними что-то делать. Сами по себе они не вернутся к христианской культуре, процесс необратим, наоборот, скорее всего их внимание привлекут транслируемые через Интернет и средства массовой информации предложения от различного рода новых идолов...

АМК: Это во многом так. А, кроме того, нужно различать Христа и христианскую культуру, потому что христианская культура уже в каком-то смысле автономизировалась. И надо вновь обращаться ко всей культуре во всей ее глубине и делать ее христианской. Нам нечего предложить людям, кроме Христа. А Христос поможет одухотворить даже то, что есть сейчас, то, что отделилось и от Церкви, и от Него Самого.

Наша надежда основывается на том, что мы не строим некое здание (которое всегда почему-то оказывается похожим на Вавилонскую башню), а стараемся внешне в то, что есть, дух и смысл. И это уже не задача сочетания светского и духовного образования, это создание какого-то нового образования.

Профессор
Ф.Н. Козырев
представил в СФИ
свой курс лекций
по религиозной
педагогике

С 8 по 11 июня на факультете религиоведения Свято-Филаретовского института курс религиозной педагогики читал профессор Ф.Н. Козырев, доктор педагогических наук, директор Института религиозной педагогики Русской христианской гуманитарной академии. Данный курс лекций, уже традиционный, продолжает многолетнее сотрудничество СФИ и РХГА в образовательной и научной деятельности.

Курс состоит из двух частей. Первая представляет собой введение в общие проблемы педагогики, необходимое для людей, не имеющих соответствующего специального образования. Вторая часть затрагивает вопросы собственно религиозного образования, рассказывает о современных подходах к преподаванию религии в светских школах в России и в мире, знакомит с современными теоретическими и практическими разработками в этой области.

Профессор Ф.Н. Козырев, известный специалист в области религиозной педагогики, много лет занимается исследованиями в данной сфере и хорошо знаком как с российским, так и с зарубежным опытом. Кроме того, автор курса имеет значительный опыт преподавания религии, а также нравственного образования средствами духовной культуры в светских школах. По его мнению, педагог призван не «сеять разумное, доброе, вечное», но терпеливо «вспахивать» — готовить ту самую «добрую землю», о которой говорит Христос в известной притче (Мк 4:8).

Информационная служба СФИ

Профессор
А.М. Копировский
прочитал курс лекций
аспирантам РХГА

29–30 июня в рамках договора о сотрудничестве Свято-Филаретовского православно-христианского института и Русской христианской гуманитарной академии профессор СФИ, кандидат педагогических наук А.М. Копировский читал курс лекций «Язык религиозного искусства» для аспирантов РХГА.

Во введении рассматривается само понятие языка искусства, особенности религиозного искусства и его место в общекультурном контексте на основе трудов таких специалистов по эстетике и истории искусств как Ханс Бельтинг, Виктор Бычков и другие. Блок из двух лекций охватывает выдающиеся памятники Древнего мира, Средних веков и Возрождения. В центре внимания — не краткий экскурс в историю искусств, а язык сакральной и светской графики, скульптуры, живописи и архитектуры.

Курс призван показать, что общение с произведениями искусства «на их языке» не подразумевает механического декодирования сюжета, чтения символических или отдельных художественных форм. Их содержание передается не информативным текстом, не суммой символов и образов, а живым, в большой мере субъективным единством последних. В конечном счете язык искусства постижим благодаря тому, что он изначально присущ каждому человеку как образу и подобию Божьему. По мнению А.М. Копировского, более плодотворный подход к общению с искусством — не столько давать оценки, сколько обмениваться вопросами, благодаря которым, по выражению С.С. Аверинцева, «вещи делаются прозрачнее».

Около 20 аспирантов РХГА с большим интересом прослушали курс и сдали соответствующий зачет. Практика «обмена» преподавателями между РХГА и СФИ будет продолжена в следующем учебном году.

Информационная служба СФИ

Николай Неплюев
«Беседы о трудовом
братстве. Частное
ответное письмо
священнику
Иванову»

Преображенское содружество малых православных братств переиздало 2-й том сочинений Н.Н. Неплюева «Беседы о трудовом братстве. Частное ответное письмо священнику Иванову».

«Христианство не внешнее действие, не буква, а новый духовный человек, преображенный верой и любовью», — писал Н.Н. Неплюев, основатель и духовный попечитель Крестовоздвиженского трудового братства, существовавшего в конце XIX — начале XX вв. Он видел истинное христианство в возвращении к первоапостольскому идеалу церковности — жизни на основах братолюбия. Его работа «Беседы о трудовом братстве» написана в 1903 году по следам кризиса в Крестовоздвиженском трудовом братстве, приведшего к его расколу. В ней Н.Н. Неплюев осмысливает братство как дар людям от Бога, который они могут принять или отвергнуть.

Вторая часть книги содержит «Частное ответное письмо священнику Иванову». Прототипом адресата письма послужил священник о. Роман Медведь, назначенный настоятелем братского храма, но в итоге покинувший братство из-за расхождения с Н.Н. Неплюевым во взглядах на духовное попечение о его членах. «Письмо» затрагивает животрепещущую и для нашего времени тему иерархии и старшинства в церкви и отражает взгляды Н.Н. Неплюева на пастырство.

Обзор новых книг издательства СФИ и издательства Культурно-просветительского центра «Преображение» в этом и предыдущем номере подготовила Татьяна Васильева

В ПОИСКАХ СВОЕГО ЧИТАТЕЛЯ

Интервью с Кириллом Мозговым, руководителем издательства Культурно-просветительского центра «Преображение»

— Известно, что интеллектуальные издательства в первую очередь строят свой план на хорошо забытом старом, то есть на каких-то качественных репринтах. А ваше издательство, насколько я понимаю, включает в свой план разные издания — и старые, и современные. Какая тематика их объединяет? Иначе говоря, какова главная цель издательства?

— Издательство культурно-просветительского центра «Преображение» прежде всего ориентировано на публикацию материалов, которые находятся в сфере интересов Преображенского содружества малых православных братств, то есть то, что касается опыта братской жизни в истории Русской православной церкви. Это работы тех, чьи имена, может быть, сегодня незаслуженно забыты, чьи труды были малоизвестны как, например, работа священномученика Анатolia Журавковского, посвященная истории евхаристического канона, или целая серия трудов Николая Николаевича Неплюева, основателя Крестовоздвиженского трудового братства в Черниговской губернии (ныне это Сумская область Украины). Естественно, мы издаем материалы ежегодных конференций, которые проводит Преображенское братство. Они важны не только для истории самого братства; поскольку конференции затрагивают актуальные темы современной церковной и общественной жизни, а состав участников всегда очень представительный, эти материалы могут быть интересны любому читателю.

— Сейчас совершенно удивительным образом оказались актуальны издания, посвященные, можно сказать, повседневной жизни Крестовоздвиженского трудового братства, основанного Н.Н. Неплюевым. Есть ли план издавать что-нибудь, что касается «истории повседневности» Преображенского братства?

— Члены Крестовоздвиженского трудового братства, принимая решение об издании такого внутреннего документа, как отчет блюстителя братства, который писал Николай Николаевич Неплюев, понимали, что любая попытка устройства церковной братской жизни по Евангелию на самом деле имеет значение, далеко выходящее за рамки внутренней истории братства. Сегодня эти вещи также звучат актуально, и важно, чтобы они были доступны, поскольку таких материалов, рассказывающих не только о конкретном опыте, написанных не только историческим языком фактов, а с попыткой осмысления этого опыта, с попыткой введения его в традицию, таких материалов сегодня очень много. Действительно важно, что труды по истории одного братства не являются «частной историей».

Неслучайно Неплюев называет их «человеческие документы» и, описывая конкретный период из жизни, всегда старается осмыслить его в гораздо более широком контексте. Также мы планируем издать сборник материалов о жизни братства, описывающий его жизнь и устройство, составленный как из работ членов братства и их документов, так и воспоминаний гостей братства.

Что касается жизни нашего братства, то, как я уже говорил, мы издаем материалы ежегодных конференций и братских встреч Содружества, которые также посвящены осмыслению опыта жизни Преображенского братства и тех актуальных церковных проблем, над которыми братство думает, тех задач, которые сегодня стоят, наверное, перед любым церковным человеком.

— Издательство не такое большое и не так давно существует, в отличие от издательства Свято-Филаретовского института. Можно ли говорить о том, что у него появился свой читатель и есть ли от этого читателя какая-то обратная связь?

— Я думаю, что свой читатель у нас пока только появляется. Вопрос даже не в том, что издательство появилось недавно, а его читатель в каком-то смысле тот же, что и у издательства Свято-Филаретовского института. Имя Свято-Филаретовского института достаточно хорошо известно, и публикуемые им книги расходятся достаточно широко, в то время как издания Преображенского братства, быть может, только ищут своего читателя за пределами собственно братского круга. В то же время Н.Н. Неплюев, отец Анатолий Журавковский, В.И. Экземплярский, чьи труды также готовятся к изданию, — это люди достаточно известные, и будем на-

даться, что актуальность их текстов поможет не только обрести читателя, но и обрести обратную связь с ним, поскольку для нас действительно важно определиться с тем, что востребовано, в чем заинтересован сегодня церковный читатель, что действительно необходимо сегодня публиковать, делать доступным.

— Каковы, на Ваш взгляд, перспективы развития издательства? Думая о дальнейших планах, чего мы прежде всего хотим: дать людям рабочие материалы к размышлению в контексте возрождения церковной жизни или зафиксировать то, что уже есть, для истории?

— Я думаю, что и первое и второе, потому что, безусловно, важно фиксировать то, что происходит сегодня в церковной жизни. Это важно, как мы видим это на примере того же Неплюевского братства. Если бы не было изданных материалов, мы бы и не узнали о такой живой традиции, о таком мощном опыте. С другой стороны, важно давать рабочий материал, давать возможность читать те вещи, которые публиковались 100 лет назад или даже больше, которые кроме как в библиотеке сейчас трудно найти, но которые не только не потеряли своей актуальности, но, может быть, как-то совершенно по-новому звучат сегодня, позволяя отвечать на какие-то современные актуальные вопросы изнутри церковного опыта и традиции. Конечно, мы также заинтересованы в том, чтобы те материалы, которые мы можем издавать, были новыми, свежими, оригинальными. Важно не только давать доступ к уже когда-то опубликованным текстам, но и публиковать новые вещи, которые будут отвечать современным церковным интересам.

По поводу перспектив говорить достаточно трудно, потому что не

один год в книгоиздательской среде обсуждается общий упадок интереса к чтению вообще и бумажным книгам в частности. И хотя проблемы у всех книгоиздателей общие, особенно жалуются на отсутствие заинтересованной публики православные книгоиздатели. Но, несмотря на то, что православный сегмент книжного рынка катастрофически маленький, тем не менее издания определенной тематики всегда будут востребованы. Здесь как раз стоит задача обретения своего читателя — чтобы книги печатались не просто потому что они нравятся нам самим или потому что это сами по себе хорошие вещи, но для того, чтобы они были действительно востребованными. Это зависит во многом не только от нас, но и от того, насколько у нас будет налаживаться пока еще очень скромная, хотя и, слава Богу, существующая обратная связь с читателями.

— Каким образом выбираются книги, которые потом входят в план издательства? Много ли их сейчас в очереди? По каким соображениям можно книгу отвергнуть, передумать ее включать в план, а по каким в первую очередь включить?

— У нас пока не слишком обширный издательский портфель, не слишком грандиозные планы, поскольку и силы у нас достаточно ограниченные. Пока мы стараемся исходить из первоочередной необходимости, то есть тех регулярных проектов или направлений, за которые мы уже взялись, чтобы их поддерживать и по мере возможности, в том числе по мере укрепления самого нашего издательства, расширять тематику и количество изданий.

Как издания могут попасть в наш портфель? Это может происходить по-разному. Кто-то может предложить ознакомиться с каким-то интересным текстом, и мы понимаем, что его действительно сейчас стоит опубликовать. Кто-то, занимаясь научными изысканиями или разрабатывая какую-то тематику, например, в связи с написанием диссертации, обнаруживает интересные тексты, ранее нам неизвестные, касающиеся, допустим, важных исторических фигур, как это произошло с текстами Макария (Опоцкого), епископа-катехизатора, связанного с опытом Николая Николаевича Неплюева, которого он считал своим учителем. Эти тексты были найдены в ходе работы студентки Свято-Филаретовского института и ныне готовятся к публикации. Так что наш издательский портфель, можно сказать, открыт вашим предложениям.

**Беседовали
Александра Колымагина
и Максим Дементьев**

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495)624-9250
Электронный адрес редакции: kifa@list.ru
Электронная версия газеты: gazetakifa.ru

Подписной индекс в агентстве Роспечать —19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев,
Александр Копировский, Елена Шевелева,
Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова,
Ирина Зиновьева
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Учредитель: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр "Преображение"». Газета издается с октября 2002 г.
© МОО «Культурно-просветительский центр "Преображение"». Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).
Телефоны распространителей:
Москва: (495)314-2596 (Александра Ошарина), (499)131-4769 (Ольга Филиппова), +7-905-553-6304 (Елена Голыгина), (499)158-9116 (Валерия Волкова), (495)342-6306 (Марина Чиркова);
Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная);
США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)
Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина);
Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов);
Рязань: (4912)99-14-25 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-964-296-9042 (Татьяна Колпакова);
Тверь: (4822)50-2308 (Олег Ермолаев);
Тула: (4872)37-5782 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

GAZETAKIFA.RU

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-38649 от 18 января 2010 г.
Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Сушевский вал, д. 49.
Тираж 1400. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 16 июля 2011 г. Время подписания в печать: по графику —9.00, фактическое —9.00. Дата выхода в свет 20 июля 2011 г.

«ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В ЖИЗНИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ XXI ВЕКА»

16 июня 2011 г.

Первоначальный проект данного документа был составлен комиссией Межсоборного присутствия по вопросам богослужения и церковного искусства в период с 29 января по 1 октября 2010 года. 13 апреля 2011 года проект был переработан редакционной комиссией Межсоборного присутствия под председательством Патриарха. Рассмотрев проект 15 июня 2011 года, президиум Межсоборного присутствия постановил разослать его в епархии Русской Православной Церкви для получения отзывов и опубликовать с целью дискуссии. На портале «Богослов.Ру» и в Официальном блоге Межсоборного присутствия всем желающим предоставляется возможность оставлять свои комментарии.

1. Церковнославянский язык представляет собой неотъемлемую часть богослужебной традиции Русской Православной Церкви. Он вообрал в себя многие черты древнегреческого языка — языка Нового Завета и святых отцов — и особенности живой речи древних славян, и опыт святых подвижников, обращавшихся к Богу словами церковнославянских молитв.

Церковнославянский язык является общеупотребительным богослужебным языком Русской Православной Церкви. Он является не только достоянием нашей Поместной Церкви, но и общекультурной ценностью, которую следует беречь и хранить.

2. На протяжении своей истории церковнославянский язык, как и другие языки, сохраняющиеся в постоянном употреблении, непрерывно развивался.

«...» Важным этапом этого процесса стал период конца XIV — начала XV веков, когда старый корпус древнерусских богослужебных книг студийской эпохи был постепенно заменен новым, ориентированным на Иерусалимский устав.

«...» Никоновская и послениконовская редакции богослужебных текстов были призваны решить проблему соответствия перевода греческому оригиналу, но в ряде случаев чересчур прямолинейное, в ущерб строю славянской речи, воспроизведение особенностей греческого синтаксиса, словообразования, морфологии затрудняет восприятие церковнославянского текста. Кроме того, отдельные места греческих книг во второй половине XVII века были переведены не совсем удачно — особенно это заметно в Триодях и Минеях. Наконец, на доступность церковнославянского текста для понимания повлияло и то, что в XVIII—XIX веках литературный русский язык значительно отделился от церковнославянского.

К концу XIX века проблема восприятия богослужебного текста уже осознавалась как весьма острая. Святитель Феофан Затворник († 1894) писал: «Надо что-нибудь на всю церковную жизнь влияющее сделать. И есть вещь такого именно свойства, вещь крайне нужная. Разумею новый, упрощенный, уясненный перевод церковных богослужебных книг. Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская и все нравоучение христианское и все утешения и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть из сих песнопений непонятны совсем. А это лишает

наши церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. Вследствие чего новый перевод книг богослужебных неотложно необходим. Ныне, завтра же, надо к нему приступить, если не хотим нести укора за эту не исправность и быть причиною вреда, который от сего происходит. Одна из причин, склонивших православных к штунде, есть именно непонятность церковных песнопений... Положить начало новому переводу богослужебных книг. Положат пусть, теперь же положат перевести все книги заново... Перевести не на русский, а на славянский язык. Опыты уже деланы были... И благоговейно, и понятно».

Позицию святителя Феофана разделяли многие — епископы, священники, миряне. В «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» (1905—1906), которые были составлены в период подготовки к Поместному Собору Русской Церкви, многие отмечали, что необходимо сделать богослужение более понятным для мирян. Так, святитель Тихон, будущий Патриарх Всероссийский, писал: «Для Русской Церкви важно иметь новый славянский перевод богослужебных книг (теперешний устарел и во многих местах неправильный), чем можно будет предупредить требование иных служить на русском обиходном языке».

В 1907 году начала свою работу комиссия по исправлению богослужебных книг, учрежденная Святейшим Правительствующим Синодом. Ее работу возглавлял архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), будущий Патриарх Московский и всея Руси, а в состав входили известные богословы, литургисты и филологи того времени. Комиссия ставила перед собой две основные цели — исправить явные ошибки перевода с греческого и сделать церковнославянский текст более доступным для усвоения на слух.

За годы своей деятельности комиссия успела подготовить редакции Триодей Постной и Цветной, а также Октоиха и части Миней. Определение Святейшего Синода № 6679 от 25 августа — 24 сентября 1909 года предполагало, что впредь Триоди будут издаваться только в этой редакции. Однако продолжению работы мешали драматические события 1917 года и последующих лет.

3. В наши дни проблема понимания богослужебного текста является не менее актуальной, чем на рубеже XIX—XX веков, и требует своего решения, как путем повышения уровня знания нашими современниками церковнославянского языка, так и посредством продолжения начатых Святейшим Правительствующим Синодом работ по редактированию богослужебных книг.

Исправления в богослужебные книги должны вноситься с крайней осмотрительностью и лишь по благословению Священного Синода с последующим утверждением Архиерейским Собором. Использовать за богослужением в приходах и монастырях Русской Православной Церкви допускается лишь книги, одобренные Высшей церковной властью.

4. Необходимость решения поставленных выше вопросов была отмечена в определениях Архиерейских Соборов Русской Православной Церкви. В частности, Архиерейский Собор 1994 года постановил «продолжить начатые, но не завершённые По-

местным Собором 1917—1918 годов труды по упорядочению богослужебной практики» и «продолжить редактирование богослужебных текстов, начатое в нашей Церкви в начале текущего столетия». На Архиерейском Соборе 2000 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II констатировал, что это постановление не было исполнено и указал на целесообразность создания специальной Литургической комиссии, отличной от Синодальной богослужебной комиссии, которая и могла бы заняться исполнением этого постановления. Собор благословил «продолжение трудов по редактированию богослужебных текстов с целью облегчения их восприятия молящимися», определив, что «для этого должна быть создана особая литургическая комиссия при Священном Синоде».

Для осуществления этих задач необходимо создание Священным Синодом рабочего органа с участием иерархов, клириков, литургистов, историков и филологов. Задачей рабочего органа будет последовательная сверка с греческим оригиналом и древними церковнославянскими переводами текста богослужебных книг. В ходе этой работы необходимо прояснить те места, которые труднодоступны для понимания. В этой деятельности следуют руководствоваться размышлениями святителя Феофана Затворника, а также использовать литургические и филологические изыскания XIX — начала XX вв.

Основополагающие принципы предстоящей работы таковы:

1. Основным языком богослужения Русской Православной Церкви является церковнославянский язык. Проповедь же, которая представляет собой неотъемлемую часть богослужения, произносится на современном языке (русском, украинском, молдавском, белорусском и на иных языках народов, составляющих многонациональную паству Русской Православной Церкви).

2. В Русской Православной Церкви, с благословения Священноначалия, употребляются богослужебные тексты и на национальных языках. Эти тексты должны точно передавать смысл оригинала, быть понятными для молящихся и сохранять традицию возвышенности богослужебного языка, свойственную Православию.

3. Прояснение церковнославянских переводов греческих текстов прежде всего должно касаться сложных для понимания мест.

4. Основное внимание следует уделить лексическому составу языка: замене полностью малопонятных церковнославянских слов, а также тех слов, которые в современном русском языке имеют принципиально иное значение по сравнению с церковнославянским*. Эквиваленты для них следует находить по преимуществу не в русском литературном, а в церковнославянском языке, что обеспечит сохранение единства стиля и преемственность традиции богослужебного текста. Кроме того, в тех случаях, где это необходимо и возможно, следует устранить чрезмерное подражание греческому синтаксису, усложняющее понимание текста.

5. Важной задачей остается организация работы по широкому изучению церковнославянского языка. Большинство верующих ограничивается несистематическим знакомством с ним во время богослужения. В связи с

этим необходима подготовка новых пособий по церковнославянскому языку разной степени сложности и детализации, а также учебных материалов в современных медиаформатах — в виде аудио- и видеокурсов, телепрограмм и т.п.

Для научного обеспечения работ по исправлению богослужебных книг и успешного преподавания церковнославянского языка необходимо активизировать исследовательские работы, посвященные языку современного богослужения, включая создание словарей и грамматик.

В рамках международных научных конференций, предваряющих празднование Дня славянских письменности и культуры, целесообразно проводить круглые столы с тематикой, касающейся роли церковнославянского языка в жизни славянских народов.

6. В значительной степени восприятие текста зависит от качества его исполнения. Нередко прекрасные тексты остаются непонятными не из-за труднодоступности церковнославянского языка, а из-за плохого чтения и пения в храме. Собор обращает внимание епархиальных архиереев на необходимость установления контроля за качеством чтения и пения богослужебных текстов и рекомендует раскрывать их глубокий назидательный смысл в проповедях.

Помимо качества исполнения богослужебных текстов, имеют значение также акустические условия в храмах. Собор призывает учитывать эти условия и там, где это необходимо, использовать современные звукотехнические средства.

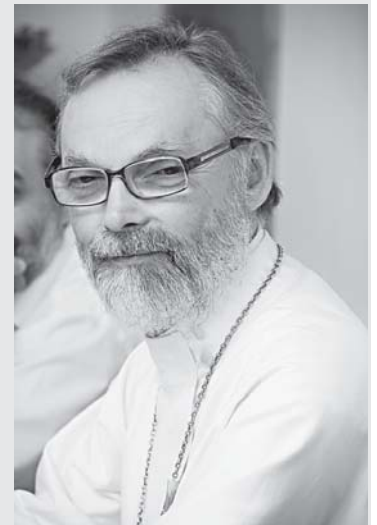
7. «Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом», — поучает Церковь святой апостол Павел (1 Кор. 14, 15). Имея в виду эти слова, святитель Афанасий Исповедник, епископ Ковровский, писал: «Исправление церковных книг — неотложное дело. Надо не только то, чтобы православные умилились хотя бы и непонятными словами молитвословий. Надо, чтобы и ум не оставался без плода. Пойте Богу нашему, пойте разумно (Пс. 46, 7). Помолось духом, помолось и умом» [6]. Святитель считал необходимым приближать «наше дивное богослужение, наши чудные песнопения к уму русского народа». Исполнение этой задачи полагал важным и приснопамятный Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, отмечавший, что «глубокий духовный смысл богослужения подчас не постигается» нашими современниками и призывавший «подумать о том, как сделать богослужение более доступным людям».

Последняя ранее принятым решением Архиерейских Соборов Русской Православной Церкви 1994 и 2000 годов, Собор призывает Божие благословение на предстоящие труды в этой области, которые надлежит совершать в духе послушания Священноначалию, благоговейного и бережного отношения к Преданию Церкви, соединяемого с ревностной пастырской заботой о назидании народа Божия.

* Например: от лести идольския — от прельщения идольского; напрасно судия придет — внезапно судия придет; во всем угодити — во всем угодити; сего ради в вас мнози немощни, и недужливи, и спят довольни — ...и умирают мнози (1 Кор. 11, 30); кратир — сосуд; анкира — якорь; реть — рвание; вхилияем — укрепляем; возбнув — воспрянув; иногда — древле.

Люди разучились молиться умом

Комментарий проф.-свящ. Георгия Кочеткова

На протяжении многих лет мне приходилось прямо и косвенно отвечать на вопросы, связанные с богослужебным языком. Очень много текстов на эту тему опубликовано, много было сделано, были изданы переводы в семи томах основных богослужебных текстов на русский язык и т.д. И всё-таки хочу сразу сказать, что когда я читал проект документа о церковнославянском языке в жизни Русской православной церкви XXI века, мне хотелось поблагодарить Бога. Это первое реальное официальное деяние, которое, может быть, сдвинет проблему с мёртвой точки. Появляется надежда, что, сделав первый шаг, церковь на нём не остановится. Надо трезво посмотреть на историю церковнославянского языка, надо преодолеть те мифы, которыми полно сознание современных русских и русскоговорящих людей в церкви. Да, значение церковнославянского языка огромно, что и говорить: всё-таки Русская церковь, особенно в давние века, имела хоть в какой-то степени понятное богослужение, хотя с самого начала, ещё с домонгольских времён, уже осознавалась необходимость адаптации греческих образов, греческих конструкций для русской культуры, для русского человека того времени. Многие греческие тексты были написаны в первые века христианской истории, во всяком случае, содержат в себе эту традицию, и, конечно, она сильно отличается от того, что знает и понимает русский народ сегодня.

К сожалению, эта работа, которая сейчас, можно надеяться, начнется, несколько припоздала. Ведь в начале XX века Русская церковь не только задумывалась об исправлении богослужебных текстов, дело этим не ограничивалось: в те же самые годы началось богослужение на русском языке по благословению правящих архиереев. К слову говоря, тогда почему-то не требовалось ни обсуждения этого вопроса в Синоде, ни утверждение переводов Архиерейским собором. Это вообще не очень, на мой взгляд, традиционный подход в церкви, когда каждая буква, каждая запятая обсуждается Синодом и Архиерейским собором. Да это и невозможно, никогда не будет таких синодов и соборов, которые во всём этом будут хорошо разбираться и судить об этом квалифицированно. Значит, это всё будет плодом подготовительных комиссий или мнений отдельных людей, результатом дискуссий или просто церковной политики, и поэтому не будет носить того соборного, важнейшего для церкви характера, который здесь был бы как раз нужен. Самая лучшая база для изучения такого рода вопросов — Всероссийский собор 1917—1918 года. Уже говорилось не однажды, что нужно брать точкой отсчёта этот Собор. Поэтому в документе, в котором речь идёт лишь о деяниях Русской церкви,

Окончание на с. 2
Фото Александра Волкова

Люди разучились молиться умом

Окончание. Начало на с. 1

предшествовавших Всероссийскому собору начала XX века, чувствуется некоторая недостаточность. Традиция переводов богослужебных текстов на русский язык идёт с конца XVIII века, и это сильная, мощная традиция, хотя почти неизвестная нашим верующим современникам. Хотя, может быть, осторожность изданного сейчас проекта оправдана с дипломатической точки зрения: очевидно, разработчиками документа руководило желание сохранить спокойствие людей, придерживающихся разных мнений, желание сделать процесс адаптации текстов постепенным.

Одновременно с этим процессом, конечно, необходимо углубление познаний в церковнославянском и древнерусском языке, как и вообще всякой гуманитарной культуры, которая очень пошатнулась к нынешнему дню. Всем известно, что знание церковнославянского языка даже в церковной среде, даже среди клириков ужасающе недостаточно. Очень много искажений приходится слышать и во время богослужения. Нужно эти пробелы ликвидировать. Однако к вопросу о русском языке придётся вернуться, тем более что XX век дал здесь много положительных примеров и положительных находок. Конечно, речь не идет о переводе богослужений на некий обиходный, разговорный русский язык. Речь должна идти о богослужебном русском языке, и его ещё придётся в какой-то степени порождать, формировать — и это тоже нужно учитывать.

Здесь очень важно вспомнить решения «сергиевского» Синода 30-х годов, в частности, позволившего служить на русском языке общине о. Феофана Адаменко, делать и другие изменения в богослужебном чине, оправданные церковной традицией. Это были отнюдь не поверхностные решения, хотя, возможно, ещё не время ставить их во главу угла при обсуждении этих вопросов.

Однако есть же пункт в обсуждаемом проекте документа о возможности употребления богослужебных текстов на национальных языках. К ним должен относиться и русский язык, почему нет? В документе этот вопрос не развёрнут, и о деталях говорить ещё рано. Конечно, на этом пути будут всякого рода трудности, их можно предвидеть уже заранее. Очевидно, что люди совершенно отвыкли думать во время богослужения. «Буду молиться духом, буду молиться и умом», — говорит апостол Павел. Но умом люди разучились молиться уже давно, лучшим свидетельством этого является тот же раскол XVII века. Люди почему-то считали и иногда продолжают считать, что само звучание, сами фонемы церковнославянского языка имеют почти мистическое значение. Но это всё язычество, что уж тут говорить. Однако есть люди, их можно найти в разных епархиях, в последнее время особенно, которые могли бы сказать здесь своё действительно церковное и просвещённое слово. И если этот вопрос будет свободно обсуждаться, то, конечно, рано или поздно это приведёт к положительному результату. Нужно только вести это дело не просто аккуратно, но духовно, церковно, с верой в волю Божию, в то, что мы ищем и исполняем волю Божию, в частности, перевода богослужения на русский язык и стремясь к совершенному его именно на языке, на котором молится сердце и ум нашего церковного народа. И надо помнить о том, что людей разных национальностей в нашей церкви очень много. Заставлять их учить церковнославянский язык было бы немилосердно, да и духовно неправильно — ведь сами русские в подавляющем большинстве не знают церковнославянского.

Источник: «Ежедневный журнал» <http://ej.ru>

Одной из площадок обсуждения документа, с которым наши читатели мог познакомиться на первой странице приложения «Язык Церкви», стал портал «Богослов.ру», где за три недели появилось более полутысячи комментариев. Если проанализировать их, картина получается весьма интересная.

Прежде всего нужно сказать, что за полутысячей откликов стоит от силы полторы сотни человек; мнения разделились практически поровну. Однако это деление очень мало относится собственно к документу. О нем определенно упомянуто лишь в полусотне реплик (в подавляющем большинстве это положительные отклики). Остальная же дискуссия разделилась на реплики тех, кто считает: «к сожалению, многие лишают себя глубины православной службы как раз из-за ложного представления о собственном понимании церковнославянского языка», и тех, кто объединился под знаменем «Руки прочь от церковно-славянского языка!!!» (подлинная цитата из комментария — А.Кол).¹ Значительная часть первой группы участников в той или иной степени стояла не за поновление, а за возможность перевода богослужения, и если упоминала документ, то оценивала его как крайне консервативный.

Конечно, границы между двумя описанными выше группами не всегда оказывались жестко определены. Тот, кто заявлял себя сторонником церковнославянского богослужения, мог при этом написать: «Переводы делать, конечно же, никто запретить не может, но вот внедрять насильственное использование новых переводных текстов так же, как мне кажется, не стоит. Хочет кто-то служить даже на русском, — нет проблем, думаю что на приходах (как и у нас это было в виде эксперимента), есть возможность послужить и на русском», или: «я сам против перевода богослужения на русский язык, мне кажется, достаточно читать на русском Апостол и Евангелие — Благоую Весть Господа к людям, которая должна быть понятной по определению», или: «несмотря на то, что я не согласен с Вашей позицией (а также с оценкой русскоязычных переводов), мысль о том, чтобы предоставить приходу (или настоятелю — приход ведь как-то все равно отреагирует) свободу решать, кажется мне верной». (При внимательном чтении документа понятно, что авторы этих реплик предусматривают гораздо более широкие возможности, чем члены комиссии). Тем не менее таких случаев единицы, и в целом они не влияют на общую картину. А она вкратце такова.

СОСТАВ УЧАСТНИКОВ

И в группе сторонников поновления или перевода богослужения, и в группе «руки прочь!» преобладали миряне. И хотя в первой из них священнослужителей было несколько больше, чем во второй, все же они составляли не более четверти входивших в неё участников дискуссии (во второй группе они составляли десятую часть). Среди мирян в первой группе мужчин было заметно больше, чем женщин, во второй же тех и других было почти поровну.

В дискуссии можно было участвовать практически анонимно, но можно было (по желанию) дать о себе минимальную информацию. Значительное большинство (более чем три четверти) участников остались анонимами, указав лишь своё имя и иногда город проживания. Среди сторонников поновления богослужения анонимов было заметно меньше, чем среди противников. По указанным участникам данным можно судить, что образовательный ценз в первой группе был значительно выше, чем во второй. Среди сторонников поновления (перевода) было дос-

ПРОБЛЕМА НЕ ТОЛЬКО В ЯЗЫКЕ

точно много студентов и преподавателей духовных семинарий и академий, общецерковной аспирантуры. В то же время представители второй группы достаточно часто писали: «первый раз я присутствовал на литургии меньше года назад», «я слегка прикоснулась к тому, что составляет мир Богослужения и Таинств Церкви» и т.п. Насколько можно судить по указанным участникам данным, первая группа оказалась более представительна «географически», во второй же преобладали жители российских мегаполисов.

ОСНОВНЫЕ АРГУМЕНТЫ

Многие аргументы основывались на цитатах из Писания, церковных канонов, мнений святых, причем цитаты приводились всеми сторонами. Здесь мы кратко перечислим лишь основные личные аргументы участников дискуссии, не претендуя (из-за ограниченности газетной площади) на исчерпывающую картину.

В пользу перевода богослужения: «Иисус говорил на очень простом, разговорном языке, понятном своим слушателям. В наших же храмах Слово Божие читается на церковнославянском и просто «проходит мимо» людей! Кому же от этого хорошо? И кому будет плохо, если Слово Божие будет читаться по-русски?»; «Пока у нас два языка, у нас и будет две жизни: одна для Бога, другая для себя»; «Я прошу, пусть каждый из нас спросит сам в себе, думает ли он на ЦСЯ, живет ли он им, может ли он называть этот язык СВОИМ. Ответ, мне кажется, будет определенно отрицательным. По крайней мере, я не встречал таких людей. А если так, то умею ли я говорить с Богом, ведь на языке, которым я пытаюсь это делать, я даже и думать не умею»; «Проблема не только в ЦСЯ. Проблема в том, что уровень осознания Православия весьма низкий у многих мирян и даже священников сейчас. И проблему нужно решать сейчас именно эту. Даже если нам Пушкин переведет богослужение на русский, это все равно будет лишь сотой долей: в каноне Андрея Критского как была ссылка на Авессалома, так и останется. И пока человек не прочтает Ветхий Завет, он и по-славянски не поймет, и по-русски тоже не поймет, о чем здесь речь идет. Только когда по-славянски читают, не понятно ПОЧТИ ВСЕ, и создается иллюзия, что так и нужно. А переход на русский мог бы быть стимулом для многих — теперь вот это и это понятно, а вот это — что? Нужно разобраться. Переход на русский язык необходим, но имеет смысл только тогда, когда он будет одной из комплекса мер, принимаемых для решения проблемы практического отсутствия серьезной катехизации в нашей Церкви»; «Вспомним, что и все мы стали христианами только потому, что Евангелие на греческом было ПЕРЕВЕДЕНО на славянский! И наш ЦСЯ перевод — это только перевод!!!»

В пользу поновления церковнославянского текста: «Как бы не протестовали и не тормозили дело любители милой старины, исправление богослужебного текста идет полным ходом во всех епархиях РПЦ, поскольку этого требует сама жизнь. Церковная власть предлагает поставить этот процесс под контроль и упорядочить его. Вы против? Значит вы за то, чтобы каждый желающий на свой лад переправлял тексты».

В пользу неизменности нынешнего варианта церковнославянского текста: «Это начинание неизбежно приведет к новому расколу церкви»; «если так пойдет и

далее, то скоро Православие в России потеряет всю свою индивидуальность, и превратится из Истинной Веры, в «одну из мировых религий»; «Этот язык нам помогает в нашей современной жизни отстраниться от уличной суеты, домашних проблем, политики и назойливого рынка за стенами Храма»; «Те, кто посещают храм постоянно, как правило, не нуждаются в переводах (либо изучают текст, либо по-простому молятся краткими молитвами всю службу (курсив мой — А.Кол))»; «Главная роль ЦСЯ является в соединении многих славянских православных церквей в одну церковь»; «Все это наносное, массовое. Все эти процессы направлены на то, чтобы раскатать и развалить Родину нашу»; «Без общецерковного обсуждения решения относительно богослужебного языка приниматься не могут, а качественное общецерковное обсуждение в настоящее время невозможно. Так что пусть уж лучше все остается, как есть».

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В ходе дискуссии высказывалось не так много конкретных предложений, но тем не менее они были. Вот некоторые из них:

От сторонников понимания богослужения: «Выправленные тексты или русскоязычные богослужения уместно вводить в качестве пробы в отдельные дни недели, или месяца, или календарного года на приходах, и потихоньку собирать опросы и статистику, которые и покажут, что приемлемо для паствы»; «Вот будет Великий пост и пусть в течение месяца проводится опрос, т.е. выдается священниками после исповеди бланк. На нем мы, отойдя от аналогия, после службы, будем указывать свои имена, паспортные данные и выражать свое мнение: за или против русского языка в богослужении. И будем этот листок бросать в специально отведенные урны в храмах. И всё станет ясно. Потому что противники русского языка будут посрамлены. И этот будет голос церкви»; «Учитывая болезненное состояние ультраправославных «ревнителей», необходимо дать возможность приходам самим опрашивать, на каком языке совершать богослужение. По мере оздоровления церковного организма потребность в эстетическом (вместо духовного) наслаждении ЦС отпадет, Обретение общения с живым Христом сделает ненужным поклонение околочерковным идолам, одним из которых и является сейчас для многих ЦС».

От сторонников неизменности нынешнего варианта текста: «Просто нужно вернуть изучение церковнославянского языка в школы»; «тем, кому невыносим и труден церковнославянский язык рекомендую уступить чтение в храме другим людям. Вас что палкой заставляют читать молитвы?»; «лучше не прикасаться к текстам совершенно, оставив их в той редакции, в которой их печатал вл. Питирим».

МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ДИСКУССИИ

Один из участников писал: «В действительности сталкиваются не сторонники и противники русификации богослужения, а люди, апеллирующие к разуму и люди, считающие такую апелляцию святотатством. Последние исходят либо из своих иррациональных переживаний, либо из априорного признания всех несогласных — злонамеренными или умственно неполноценными людьми».

Боюсь, что это хотя и эмоционально, но в целом верно отражает картину. Вот типичные приме-

ры реплик пламенных представителей группы «руки прочь!»:

«кто выступает против ЦСЯ, тот просто проявляет свое духовное убожество и отсутствие духа церковности»; «Богословам, не понижающим, что читается на службах, предлагаю перестать считать себя богословами и начать ходить почаше на службы в те храмы, где хорошо читают на церковнославянском. Тогда к концу жизни, может быть, и станете богословами»; «Может Вам стоит поспотиться и помолиться, чтобы Бог послал Вам Духа Святого? Или Вы с кем? Я учусь на катехизаторских курсах в Санкт-Петербурге и слегка прикоснулась к тому, что составляет мир Богослужения и Таинств Церкви. Вот почему меня удивляет иерей Роман, который так пишет»; «Скажите пожалуйста, уважаемый дьякон Иван, для того ли Вы учили Священное Писание со Священным Преданием, чтобы теперь ловчее использовать цитаты из них в качестве полемических приемов?»; «Если у Вас есть духовный отец совету обсудить с ним Ваши грехи (это пишет мирянка, сторонница неизменности нынешнего текста, священнику — А.Кол)»

Естественно, что такой контекст вызвал протест и уход из дискуссии многих участников: «Противники реформы ЦСЯ своих оппонентов объявляют еретиками, отступниками и называют прочими нелестными словами (сами совершенно не понимая что такое ересь!!!). Священников называют попами (я не оскорбляюсь, просто констатирую факт), и сам тон комментариев дерзкий, раздражительный, не терпеливый. Порой складывается чувство, что проходи дискуссия в живую, они бы набросились с кулаками на несогласных с ними. И я вам отвечу почему так. Это происходит оттого, что в душах нет любви, нет искренней веры в Бога, потому что формализм, буквество, фарисейство убивают и то, и другое. ...Поскольку дискуссия превращается во взаимные обвинения, участвовать в ней мне представляется бессмысленным».

Характерно и то, что сторонники сохранения нынешнего текста богослужения были в своей орфографии и синтаксисе предельно неаккуратны; крайним выражением этого является то, как написаны дорогие сердцу каждого верующего слова «Божественная литургия», «Бог и вера» в следующих постах: «И какой правящий иерей разрешил проведение Божественной Литургии на Белорусском языке в вашем храме?»; «Ну если вам Бо и Вера не близки, ну займитесь полезным делом — бизнесом что ли?»

Под конец же, для утешения читателей, хотелось бы часть обзора поместить в столь редкую у нас рубрику

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЮМОР

«К сожалению, Шмеман как француз, подходит к православию как католик»; «Никакого сербского, болгарского, украинского богослужения нет»; «Священные тексты я читаю не по уму и разуму, а по благословию моего священника»; и, наконец, следующий обмен репликами: *свщ. Андрей Гончар*, *Н. Каховка*: А Вы попробуйте взять Триодь и перевести хотя бы одну страницу, чтобы полноценно понять, что там написано, и посмотрите сколько времени у Вас уйдет на это. *Владимир Юрганов, Новосибирск*: Считаю, что надо брать Триодь, и не переводить вовсе. ни старницы. имхо — делать это грех.

¹ Я не беру в расчет не слишком значительную, но возросшую к концу обсуждения часть реплик, не касавшихся вопроса богослужения, но представлявших собою препирательства, оценки формы ведения дискуссии, а также оффтоп по вопросам автокефалии поместных церквей и др.

² Здесь и далее орфография источника сохранена.